

Дмитрий Сивков

#БабаМилосская

Наши: «Код да Винчи» и саги Толкиена

Дмитрий Сивков

**#БабаМилосская. Наши: «Код
да Винчи» и саги Толкиена**

«Издательские решения»

Сивков Д.

#БабаМилосская. Наши: «Код да Винчи» и саги Толкиена /
Д. Сивков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904572-0

Журналист Георгий Кириллов по прозвищу Чемодан становится обладателем «ключа» к разгадке тайны нахождения рук Венеры Милосской. Оказалось, она некогда и была легендарной богиней народов Урала и Сибири. В «Золотую бабу» её облёк вождь-шаман одного из племён войска Аттилы. За артефактом ведут охоту тайное общество, церковь и криминальный мир. Одни хотят вернуть изваянию прежнюю божественную силу, другие — воспрепятствовать этому, как преддверию Апокалипсиса, третьими движет нажива...

ISBN 978-5-44-904572-0

© Сивков Д.
© Издательские решения

Содержание

Он же Гога, он же... Чемодан	6
Погоня за Золотой Бабой	11
«СВЕРЧОК» ЙОРГУСА КЕНТРОТАСА	20
Все врут	28
Молочный горн	40
Кукушка – чрево шамана	48
По наводке младших Брейгелей	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

#БабаМилосская

Наши: «Код да Винчи» и саги Толкиена

Дмитрий Сивков

© Дмитрий Сивков, 2018

ISBN 978-5-4490-4572-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Венера Милосская некогда была Золотой Бабой – легендарной богиней народов Урала, куда попала с племенем угров, возвращающихся на родину после участия в походе гуннов на Римскую империю. На берегу уральской реки до сих пор хранятся руки шедевра мирового искусства. Их поиски долгие годы ведут тайное общество, церковь и криминальный мир: одни с целью придать изваянию прежнюю божественную силу и использовать её для достижения вершин власти, другие – видят в этом предвестие Апокалипсиса и хотят воспрепятствовать, третьими движет нажива. В центре этих событий невольно оказывается журналист районной газеты Георгий Кириллов, по прозвищу Чемодан.

Книга о том, чем заканчиваются истории о сотворении кумира и праве человека на выбор, исходя из его представлений о чувстве справедливости и веры в Бога, пусть и далёкой от канонов. Сюжет частично основан на реальных событиях.

Место и время действия: Приуралье, Зауралье, Европа – V век, остров Милос – 1820 год, Франция – вторая половина XIX века, Россия – начало XX века и Средний Урал – наши дни.

Он же Гога, он же... Чемодан (В качестве пролога)

– Чемодан! Ни хрена себе... Да чтоб я сдох!

Слышишь такое, и чудесный солнечный променад Пионерского курорта, изогнувшегося янтарной россыпью вдоль песчаного балтийского берега, начинает превращаться в подворотню за продмагом, окропленную крепёльным вином вперемешку с пивом и обильно орошенную мочой. Цепляешься за единственно возможную в данной ситуации спасительную мысль: это сон, и если постараться – например, ущипнуть себя, – то можно проснуться. И тогда снова стать Георгием Петровичем, вдохновенно посвящающим спутницу в суровые условия жизни за Полярным кругом, перемежая повествование декламацией «Северной надбавки» Евтушенко.

Но голос Егора раздавался в самой, что ни на сеть, яви. И щипать себя за ляжки бесполезно. А вот уцепить большим и указательным пальцами кусок толстого брюха полицейского полковника я бы сейчас не отказался. Да не просто абы как, а с оттяжкой и вывертом, да ещё потом бы полюбовался, как возле выпуклого, величиной с детский кукиш, пупка начинает наливаться и зреть гематома. И это вместо того, чтобы обнять старого друга. Вернее было бы сказать, постаревшего друга из прошлой жизни.

– Чемодан, алле! Георгий Петрович, он же Гога, он же Гоша, он же Жора... Ты что, оглох? Кричу ему, кричу.... – мощная лапа легла на моё плечо, как фельдмаршальский эполет.

Отчаявшись дожидаться реакции на вербальные призывы, заимствованные не только у героя фильма «Москва слезам не верит», но и, похоже, у его маргинальных подопечных, Егор решил перейти к тактильному общению.

– Александр... Борисович! Какими судьбами здесь? – мне не пришлось разыгрывать удивление, я лишь попытался не выдать интонацией истинных помыслов.

– Да ты чё, Чемодан, какой на хрен Бо-ри-со-вич?! Это же я – Егор, Санёк Егоров! Неделию тут в ведомственном санатории. Сам-то давно из Елизавета?!

С этими словами человек, с изяществом бегемота в оранжерее топтавший едва зародившийся флирт, привлёк моё, ставшее вялым тело и надёжно приобнял, словно опасаясь, что оно выскользнет на гранитную плитку променада. Со стороны это могло выглядеть, как схватка сумоиста с тщедушным раздатчиком флаеров. Вдоволь насытившись моментом, Егор ослабил хватку и, всё ещё не отпуская добычи, сделал пол-оборота в сторону моей спутницы. Та отпрянула.

Она находилась в том возрасте, когда мужчины обычно затрудняются в определении того, как третьему лицу представить её в рассказе о курортном приключении – девушкой или женщиной. На эту, скажем так, молодую особу я уже часа полтора старался произвести впечатление. Одинокая, она с интересом наблюдала, как курортники на пирсе кормят чаек на лету – подкидывают куски хлеба, которые тут же цапают охочие до дармового корма птицы. Стоит себе такая манкая мишень, как пройдёшь мимо? Я заглянул в закуток шашлычной, выменял у златозубого оптимиста за сотню четверть буханки, разломал её на крупные куски и молча поднёс в пригоршнях даме. Меня одарили величавой улыбкой и приняли подношение.

Если кто-то подумает, что мы просто скидали в небо горбушку серого, то он мало что вообще смыслит в этой жизни. *Мы вместе кормили птиц.* По интимности, этот процесс в эмоциональном плане, возможно, и уступает первому поцелую, но является куда более сакральным.

Я представился – сам не знаю почему – по фамилии, имени, отчеству. Она, помедлив, ограничилась именем, тянущим за собой немало литературных ассоциаций: «Татьяна». Оста-

валось закрепить успех рассказами о суровых буднях за шестьдесят девятой параллелью (не зря в молодости несколько лет отбатрачил в Мурманском траловом флоте):

За что эта северная надбавка!

За —

вдавливаемые

вьюгой

внутрь

глаза,

за —

морозы такие,

что кожа на лицах,

как будто кирза...

Если доверять так называемым флюидам, выходило, что «Таня, Таня, Танечка» была не прочь завести необременительные отношения с общительным и с виду интеллигентным мужчиной. Но теперь, судя по тому калейдоскопу чувств, которые отразила её мимика, превращение мурманчанина Георгия Петровича в Жору Чемодана «из Елизавета», явление слонopodobного типа, готового свои панибратские замашки, казалось, распространять сколь угодно широко, резко поменяли эти планы. Спутница, ещё минуту назад готовая разделить с тобой оставшуюся неделю отдыха, решила не рисковать.

— Ой, вы знаете, а я телефон в номере забыла! Муж должен звонить. Я пойду. До свидания, — отчеканила дама и зашагала прочь, ступая твёрдо, словно при строевом шаге, от чего напрочь стерлось волнующее колыхание зада на чуть полноватых, но длинных и крепких ногах.

Можно было всё поправить: догнать, объяснить и вместе потом за ужином посмеяться над анекдотичностью ситуации: как не последнего в этой стране журналиста и без недели генерала полиции приняли за курортных аферистов. Но почему-то не хотелось.

— Ну, извини, дружище... — По моему взгляду Александр Борисович, ныне стотридцатикилограммовый, не меньше, заместитель начальника областного полицейского главка, а в нашей прошлой жизни — стройный тренер Шаринской ДЮСШ Саня Егоров, или просто Егор, обо всём догадался.

— Манда, — резюмировал он чуть погодя, глядя на строевой шаг то ли девушки, то ли женщины так, словно закрывал дело, направляя его в суд.

— Ага, — не стал я перечить, а то ещё и этот возьмёт под несуществующий козырёк и куда-нибудь умарширует. Ситуация так и просится в заголовок: «Манда, Егор и Чемодан».

— Вот что, дедушка, неплохо бы вина выпить, — первое, что пришло мне на ум, когда Татьяна растворилась в толпе курортников.

— Узнаю! Узнаю брата Колю!

— Называйте меня ситуайен, что по-французски означает гражданин, — и, завершая обмен фразами из «Золотого телёнка», словно паролем из молодости, я добавил. — Тем более, что тебе, менту, не привыкать.

Наследство — это лотерея, к розыгрышу которой, по сути, не имеешь отношения, но, тем не менее, пользоваться её плодами вынужден, даже если они тебе и не совсем по вкусу. Обременительным может оказаться даже абсолютный — во всяком случае, по обывательским меркам — джек-пот, выпадающий первенцам венценосных родителей. Правда, случаи добровольного отказа от короны не так уж часто встречаются в анналах истории и их относят к теме «и такое бывает», а самих отказников — к разряду людей не от мира сего. На самом деле, таких примеров могло быть намного более, если бы принцы крови были больше верны не её цвету, а зову сердца.

Впрочем, данные умозаключения на тему наследства являются опосредованными из-за отсутствия какого-либо личного опыта. Мои предки, словно истинные пролетарии, чисто теоретически могли завещать лишь то единственное, что, по определению авторов «Манифеста коммунистической партии», они имели шанс потерять, – цепи. Вещь в плане материальной ценности весьма сомнительная, к тому же для человека умственного труда мало практичная и обременительная. Но это в обще-гипотетическом плане, в практическом же – мне перепала лишь кличка. Через три поколения рода Кирилловых: от прадеда Василия Ивановича к деду Григорию Васильевичу, от него к отцу Петру Григорьевичу, а от него ко мне – Георгию Петровичу (хотя нередко друзья окликали иными формами этого имени – Гога или Жора). Всех нас звали Чемодами.

До постройки в начале XX-го века Транссиба, в частности, участка «Пермь – Кунур – Елизаветбург», на месте нынешнего посёлка в Шаринском районе Яшковской области и железнодорожного остановочного пункта Визь располагалась одноименная почтовая станция. Позже областному центру Яшковск вернули историческое название Елизаветбург, но сам регион продолжал носить имя пламенного революционера. Место станции было отведено на одном из ответвлений знаменитого Сибирского тракта, позднее разрезанного железной дорогой. В окрестностях посёлка ещё и сегодня можно наткнуться на остатки этой грунтовки, затянутой редколесьем, а любители исторических ценностей с металлоискателями, бывает, натываются на кандалы на её обочинах. Тогда же это был оживлённый тракт, где свободно могли разъехаться встречные тройки.

Одной из них и правил местный возница Василий Кириллов. В каждый его приезд на Сильвинский железоделательный завод, располагавшийся в пяти верстах от Визья, Василия неизменно нанимала одна барыня, как теперь принято говорить, из деловых. Разъезжала за сотню верст и более – то в Верхний Тадил, то до Суктуна надумает. Всем хорош был ямщик: и видный – не замухрышка какой, и ездил расторопно, и лошадей и экипаж содержал как следует. Тем и приглянулся, несмотря на один изъян – матерился без удержу. Но клиентка нашла способ отучить ямщика через слово вставлять мать-перемать.

– Всем ты ладен, Василий Иванович, ничего не скажу. Иначе бы чего ради только тебя, да ещё и с приплатой, нанимала? Но терпелу моего уже не стаёт, придётся нам с тобой расставаться, – решила как-то прояснить отношения барыня.

– Чё же так? Аль чем не угодил?

– Уж больно ты сквернословить горазд, – через слово... Не для моих ушей всё это...

– Да как же, барыня, со скотинкой иначе справишься? Она же по-хорошему-то не понимает.

– Так и не давай ей спуска, только не сквернословь. А уж не в мочь, то хоть заменяй бранные слова на какие другие.

– Скажете тоже... Какое же другое может подойти?

– Да хоть... – взгляд её упал на облучок, к которому была приторочена поклажа, – чемодан!

– Можно хоть попробовать, – согласился возница и, привстав, стеганул вожжами и разродился в адрес лошадей обширной тирадой, обильно пересыпанной словосочетанием «чемодан, ити мать».

Одним словом – исправился. И понеслось! Потом прижилось. И даже когда Василий Иванович лишился своего ремесла – ветвь Сибирского тракта, разрезанная «железкой», умерла, словно обескровленный организм, – его не перестали звать Чемодемом. А за ним – его детей и внуков. Кличка переходила из поколения в поколение по мужской линии наравне с фамилией. И если где за пределами малой родины, куда не долетала визьявская молва, Кирилловым удавалось отцепить не особо лестное прозвище, то по возвращении в родные края, вме-

сте с привычными видами уральской тайги, вплотную подступавшей к Транссибу и окoliце, ждало и неотлипчивое: «Чемодан!».

Первоначальный смысл прозвища канул в лету вместе с Василием Ивановичем. Отец говорил, что он помнил уже не лихого матершинника-ямщика, а ветхого старика, проводившего большую часть времени на русской печи.

– Война, нать-то, скоро будет, – были последние слова первого Чемодана.

Как в воду глядел расстрига-сквернослов. Через неделю после похорон началась череда кровавых событий, в которых Советский Союз принимал самое непосредственное участие: гражданская война в Испании, бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол, а там уж дело дошло и до Финляндской войны, откуда рукой подать оставалось до июня 1941 года.

Так вот, хоть первопричина семейного прозвища и отбыла в мир иной, тем не менее, в последующих поколениях кличка была оправдана какой-либо чертой её носителя. Про деда, пропавшего без вести где-то под Харьковом в марте 1942 года, ничего сказать не могу, сведений о своеобразности его натуры не осталось. А вот мой отец Пётр Григорьевич отличался тягой к перемене мест. Сначала холостяком, а потом и с женой Катериной Назаровной, налегке – обживаться скарбом не успевали – поколесил немало по стране Советов: Алтай, Казахстан, Вятка, Урал, Оренбургские степи... В поисках чего предпринимались эти вояжи, сейчас сказать трудно. Отец вряд ли искал какой-то особой лёгкой доли, длинного рубля или спокойной и сытой жизни, но и не был типичным летуном типа перекаати-поле.

На каждом новом месте батя брался за постройку дома – всего их было пять. Но каждый раз, едва обустроившись и наладив жизнь, когда можно было передохнуть от кочевого существования по съёмным углам и ветхим избушкам и начать жить-поживать да добра наживать, он срывался с места. Не торгуясь, Петр продавал новострой и, получив аванс, объявлял сбор постепенно разрастающейся семье. Сам, подхватив чемодан, исчезал в чреве общего вагона. Дождавшись «вызова» по новому адресу, убывало и семейство. Остепенился, только когда родился четвёртый ребёнок – сын Георгий, по-простому – Жорка. И то, как сказать – остепенился. Когда мне было полтора года, отец в последний раз собрал чемоданишко и сорвался из города посреди Оренбургских степей, где только что построил шлаколитой просторный дом, в сторону полустанка на Транссибе – своей малой родины.

– Хочу, чтобы дети не пылью степной дышали, а воздухом лесным, – впоследствии так объяснял мне свой выбор.

И в самом деле, никуда больше не двинулся. Хотя в подпитии то и дело обсуждал перспективы переезда и постройки очередного – шестого – дома. Эти разговоры приводили мать в более глубокое уныние, чем побои, на которые по пьяному делу родитель был беспричинно скор.

Что же касается меня, то родовое прозвище я оправдывал тем, что постоянно что-то собирал: сначала старые вещи, монеты, которые в те времена переходили из рук в руки чаще всего «за так» или в обмен на сущие безделицы, позже это стали какие-то истории, знания. В отличие от предметов старины, многократно подорожавших, они не имели стоимости, но я, словно Плюшкин, копил их, не давая себе отчёта, зачем это делаю. Все слышанные от кого-то когда-то байки, прочитанные вскользь книги, статьи в энциклопедиях словно оседали в виртуальном чемодане. К тому же, в отличие от обычного скарба, это содержимое нельзя было подвергнуть ревизии, избавляться от ненужного, чтобы особо не захламлять поклажу. Так всё и копилось, каким-то неведомым образом систематизируясь по серым извилинам.

Теперь с полной определённоcтью могу сказать, что если бы не этот «чемодан», я бы не смог верно оценить событий, свидетелем и невольным участником которых стал. Просто прошёл бы мимо. И тогда житель уральской провинции не оказался бы на пороге разгадки одной из самых интригующих загадок мирового искусства, способной оказать влияние на раз-

витие мировой истории. Вернее, даже не на пороге, а у закрытой двери, за которой она спрятана и запечатана роковой для каждого, желающего вольно или невольно её отпереть, печатью.

Всё это произошло не в одночасье, как бывает в фантастических романах или фильмах, где, скажем, герой, нырнув в реку в реальном времени, выныривает уже в другом историческом отрезке или в параллельном мире, где его поджидают самые удивительные приключения. Здесь обошлось без подобных фокусов. Просто однажды нужно было лишь докумекать – как у нас говорят – и сложить пазлы, на которые прежде никто не догадался взглянуть как на части единого целого. Правда, каких-то из них не хватало, и тогда приходилось заполнять прореху предположениями, логически вытекающими из общего вида картины. Но эти пазлы-эпизоды следует отнести не к фантастике, а скорее к вариативности исторических событий, на которые, как оказалось, так богат наш мир.

Погоня за Золотой Бабой

Тук... тук-тук-тук... тук-тук... тук... тук-тук-тук... тук-тук... тук... тук-тук-тук... тук-тук...

Дятел, браво справляющий свою мозготрясную работу, в субботнее утро воспринимается исключительно наказанием, ниспосланным грешнику за пятнично-питийные утехы. Я надеялся поспать как минимум до обеда, а потому даже отключил сотовый телефон, чтобы ничто и никто не помешали этим планам. Но всех сюрпризов природы и промыслов Неба человек предусмотреть не в силах. Я ещё какое-то время не реагировал, надеясь, что стукоток как-то сам собой поутихнет, но, в конце концов, сдался. Заглянув в деревенский домофон – автомобильное зеркало заднего вида, прикреплённое к наличнику так, чтобы видеть, кто «стучится в дверь ко мне», понял, что это отнюдь не долбаная птица оприходуёт ворота в ритме чокнутого радиста.

В доски постукивал приличного вида мужчина, и делал это, скорее всего, ключами от «Рено Логан», что стояла на дороге. Сразу подумалось, что облик стукача плохо вяжется с автомобилем, на котором он приехал. В чём дело, понял, когда вышел открыть ему ворота. Мужчина выглядел так, что ему самое место было за рулём «Ленд Ровера», ну, или, как минимум, – «Тойоты-Камри». Одет презентабельно, но без пижонского лоска: коричневые туфли на все времена – классический фасон со шнуровкой на крепкой подошве, костюм серого цвета в белую крапинку слегка пожёван от долгого сидения в автокресле – ткань дорогая, натуральная, такая легко мнётся, голубая рубашка из материи плотной текстуры с двойными – французскими – манжетами под запонки, сами они были из серебра, с вставками из сердолика. Короче, он меньше всего походил на продавца моющих пылесосов и самозатачивающих ножей, но и мне, в свою очередь, судя по прикиду незваного гостя, предложить ему было нечего.

С возрастом бремя похмелья одолевало всё несносней и несносней, отчего я становился более внимательным к деталям. Сначала это касалось состояния собственного здоровья или, вернее, – симптомов нездоровья, позже настороженная чуткость перенеслась и на всё остальное: абстинентная внимательность к частностям стала какой-то гипертрофированной, хоть напивайся накануне каждого репортажа.

Незванный гость типом лица напоминал Роберта де Ниро. Не так, чтобы он мог смело заявляться на конкурс двойников оскароносного актёра, но в целом вполне ему соответствовал, разве что губы были более пухлыми, да и сам – чуть грузнее, к тому же изучал тебя голубыми, а не серыми глазами. Я вообще давно взял за правило при описании людей искать схожие черты с известными персонами. Так намного проще передать достоверный образ. Вот скажи я, что у вообразившего себя дятлом типа был крупный нос, и что с того? К примеру, у Бельмондо или Жана Рено тоже носяры будь здоров, но у одного нос подавлен, как котлета, а у другого набухает на окончании нераспустившейся почкой, так, словно ещё хотел пустить побег, да передумал. При желании можно продолжить примеры выдающихся шнобелей, но что за нужда, если сразу найден тот, что нужно – крупным, правильной формы нос «Бешенного быка» делало его основание. Таким эту часть лица ещё видят ещё иллюстраторы одноименной повести Гоголя. Но начал я не с этого.

– Вы лев? – спросил я, не дав гостю раскрыть рта, впрочем, он этого делать особо и не торопился. – в свою очередь, изучал хозяина дома.

Его взору хозяин этот предстал не в самом лучшем виде: заспанный, два дня не бритый, в одних джинсах и с запахом изо рта, способным удерживать на расстоянии вытянутой руки кровососущих крылатых тварей. И очень похоже, не их одних. Мужчина тоже не демонстрировал желания сближаться.

– Впечатляюще! – воскликнул незнакомец. – Вы поражаете своей проницательностью, Георгий Петрович. Действительно, меня зовут Лев... Николаевич. Но откуда?!.

– Да не кричите вы так, – поморщился я от проявленного некстати напора. – Просто у вас запонки с сердоликом, а это камень Льва по знаку Зодиака. Мне, как понимаю, представляться не следует?

– Ну кто же не знает журналиста Георгия Кириллова?! Кстати, одна из ваших публикаций и привела меня на Урал. А познания в геммологии, надо понимать, остались от камнерезного прошлого? – теперь пришла его очередь являть осведомлённость.

– Да вы, смотря, основательно подготовились к визиту.

– Ну, информация о ваших «жизненных университетах» есть на сайте «Уральской газеты» в рубрике «Авторы», так что здесь глубоко копать не пришлось, хотя и без этого не обошлось. Что же с пустыми руками к вам из столицы было ехать?

– Прямо на этом? – кивнул я на «Логан» с местными номерами.

– К счастью, нет. До Елизаветбурга добрался самолётом, а остановился в Трубоуральске. Там и взял машину на прокат. О чём, кстати, ни малейше не пожалел. Какая превосходнейшая природа в ваших краях!

Я настроился кисло выслушать пафосную арию заморского гостя, исполняемую едва ли не каждым, кто впервые оказывался в нашей уральской Швейцарии, но мужик так же резко прервал её, как и завёл.

– Не пригласите войти?

Лев не знает сомнений, обязательно выполняет задуманное... Ни с того ни с сего в памяти стали всплывать особенности знака Зодиака. Одно утешало – энергия знака Зодиака истощима. Но я, пожалуй, не буду испытывать ресурс прочности. Тем более, было чертовски любопытно, что привело столичного жителя в наше захолустье.

– Но дайте мне хотя бы пару часов на то, чтобы прийти в себя. Вчера имел неосторожность соперничать с молодыми людьми в истреблении зеленого змия. Ночью казалось, что преуспел, сейчас – не уверен в этом. Пока можете продолжить знакомство с окрестностями. Тут недалеко в соседнем селе Сильва (да, как та самая Сильва Вареску из оперетты Кальмана) имеется с живописными берегами пруд, оставшийся ещё от железодельного завода Петровских времён. Да и вообще есть где утолить страсть пылливому любителю-натуралисту.

– Что ж, воспользуюсь представившейся возможностью, – и не думал перечить Лев Николаевич. – Значит, у вас я буду... в час. Нет, лучше в половине второго.

Пауза ему была нужна для того, чтобы бросить взгляд на часы, движением руки явленные из-под манжет. Как я и предполагал, они были неброские с виду: классическая модель, корпус из стали, кожаный ремешок, из опций лишь секундная стрелка да окошечко календаря между рисками на четыре и пять часов. Всё ничего, не считая, что циферблат украшал миниатюрный мальтийский крест над названием фирмы Vacheron Constantin.

Спровадив москвича, я взялся за уборку в гостиной, где вчера, вернее, уже сегодня ночью, истощило себя празднование дня рождения глвного бухгалтера «Шаринских вестей» Наталии Самарской. Празднество, начавшееся в редакции, продолжилось на сильвинском пруду, а за полночь перетекло в моё жилище. По бутылкам даже не бывший в курсе вчерашнего, но сведущий в питии человек мог просчитать сюжет событий. Водка «Столичная» и полусладкое «Саперави» – традиционный гендерный расклад – обрамляли закуски в дебюте, выбор обосновывала первоначальная цель – немного посидеть, ничего ни с чем не мешать. Конечно, дожить до моего логова остатки с редакционного стола не имели шанса. Вино и водку принесли те, кого не сбили с толку последующие набеги в винно-водочный отдел, и они до конца остались верными своему первоначальному выбору. Редкое, надо сказать качество.

Пиво появилось по настоянию выпускающего редактора Виктора Евгеньева, пожелавшего полирнуть. Было это уже по пути на водоём, после того как стены редакции стали тесны

ожидаемо взбурлившему действию. Поводом же послужило то, что у двадцатитрёхлетней именинницы, напросившейся за добавкой, в алкомаркете настоятельно потребовали предъявить паспорт. Впечатлённая своим возвращением в ранг несовершеннолетних, она купила вдвое больше планируемого.

Сухое красное «Мерло» явилось тоже по пути на природу, но уже по моему настоянию, как неперменный атрибут к мясу на углях, чью роль с успехом сыграли сардельки. Пиво и вино брались с запасом, ведь «в тайге мороженого нам не подадут». Кто-то из барышень решил повысить градус, но не изменяя виноградной лозе, так образовался коньяк «Лезгинка». За счёт примкнувших к нашей компании на берегу знакомых именинницы Наталии ассортимент выпивки пополнился ординарным виски «Scottish Collie» и «Пепси-колой». Холодная, несмотря на июль, вода только взбодрила фантазию, и по возвращении в Шарю, я пригласил всех, кто остался в строю, на кофе «по-хемингуэевски» с кальвадосом. Это был чистой воды экспромт, к которому автор «Прощай, оружие» имел отношения не больше, чем к краснодарскому чаю. В шаринских магазинах, как и следовало ожидать, кальвадоса не держали в виду отсутствия спроса, но, вопреки этой логике, оказалась граппа. Пришлось сослаться на никогда не существовавшие свидетельства Скотта Фицджеральда, что в исключительных случаях Хэм пользовал виноградную самогонку вместо яблочной.

В своих воспоминаниях, а где и догадках, я шёл словно охотник по следам лося-подранка, собирая пустые бутылки. В перехлёст этим мыслям промелькнули картины детства, когда сбор – нет, не бутылок, а стеклотары – имел не просто практический, а даже какой-то сакральный смысл, как любой первый заработок.

Весь этот ералаш улетучился из головы, когда я открыл окна и взялся за пылесос (с грязной посудой разобрался ещё ночью по старой привычке – мыть по горячим следам, невзирая на состояние). Уборка – это вообще самое наипервейшее средство от похмелья. В этом плане пылесос «Урал» выше всяких похвал: изрыгающий децибелы, сравнимые с форсажем взлетающего истребителя, он довольно скоро изгонял тревожные мысли, долго и нудно терзающие человека с перепоя, заодно отпугивал и мысли об опохмеле. По этой причине я до сих пор не избавился от допотопной техники, хотя импортный менее шумный пылесборник тоже имелся в наличии; ему давали шанс отличиться в другие – ничем не омрачённые – дни. Взбодриться и отвлечься удалось, слегка вспотеть – тоже. Контрастный душ (бриться не стал – раз пропустил пятницу, то делать это в субботу было и подавно ни к чему) и завтрак обжигающей глазуньей с колбасой и свежесваренным чаем с имбирём завершили восстановительные процедуры. К повторному визиту Льва Николаевича я был в порядке. Ну, или почти, что было скорее плюсом, учитывая ещё не убаюканную полностью наблюдательность. Вообще-то хорошо, что его чёрт принёс с утра пораньше. Иначе бы я, скорее всего, надумал опохмелиться, что на фоне начавшегося неделю назад отпуска могло вылиться в очередную попойку.

– Если можно, я не буду снимать обувь. Лев Николаевич, скорее поставил в известность, чем спросил разрешения, и прошествовал в гостиную. Видите ли, в тапочках чувствую себя словно босым или, хуже того в носках с прорехой на большом пальце.

– Валяйте, согласился я без особого энтузиазма, наблюдая, как ботинки на толстой уверенной подошве попирают мои недавние труды.

Но тут же нашёл, на чём отыгаться. Мысленно ухватился за образ пальца, торчащего из прохудившегося носка, – он словно уравнил меня со столичным хлыщём. Стоило ему чуть вознестись во время разговора, а местами он был действительно хорош, как я тут же представлял, что под телячьей отличной выделки кожей стыдливо ютится большой палец, прорвавший давно нестриженным ногтем ветхий носок.

– Дороги у вас, прям, как в Альпах. – Лев Николаевич, или как там его на самом деле, уместившись в кресле, решил-таки закончить прерванную прежде арию заморского гостя. –

Мне есть с чем сравнивать, ведь доводилось водить и в тех краях. Не зря я где-то читал, что ваши края называют уральской Швейцарией.

– Могли бы остановиться в Шаре. У нас тут есть одна небольшая гостиница, правда, без особых изысков, даже – завтрака. Но как вариант бивака – вполне.

– Догадываюсь. Даже в Трубоуральске лучшая гостиница тянет в пиковом случае на полторы звезды, а тут... я могу себе представить. Нет уж. Я лучше покатаюсь. Люблю водить, тем более, в Шарю ведёт такая интересная трасса: и рельеф и виды...

– Так какая моя статья вас сподвигла к этому вояжу? – теперь уж я прервал трёп гостя и попытался сделать это в его стиле общения. Подстраиваться под собеседника – вообще профессиональная манера ведения разговора.

– «Оружейный клад древних угров», опубликованная в прошлом году и в «Уральской газете», где вы, как я понимаю, сотрудничаете в качестве внештатного сотрудника.

– Занимаетесь историей или этнографией?

– В общем понимании – нет, но в определённом смысле и то и другое. К чему можно добавить культурологию, религиоведение и ещё ряд научных направлений. В двух словах не объяснишь, но со временем Вы всё поймёте.

– И много времени потребуется для этого? Не то, чтобы у меня на сегодня и ближайшие три недели запланированы какие-то срочные дела, но всё-таки хотелось бы иметь представление.

– Не знаю, как дело пойдёт. Но думаю, встречи за три-четыре управимся.

– Однако... Только, может, я избавлю вас от трудов, если скажу, что оружия у меня на руках нет. После гибели человека, который его обнаружил, я передал всё в музей истории Шаринского района. Он на соседней улице, там можете удовлетворить своё любопытство.

– Георгий Петрович... – гость скорчил гримасу, так, словно языком пытался выковырять забившееся между зубами мясо. – Дело ведь не столько в самих ржавых железях, хотя в музей обязательно загляну. Вы, должно быть, уже и сами кое о чём догадываетесь. Возьмусь предположить, что сейчас в вашей голове в связи с происходящим вокруг вас в последнее время складывается определённое видение событий, весьма невероятных для обычного понимания и ещё недостаточно ясных. Не хватает, образно говоря, некоторых пазлов, чтобы получилась чёткая картина. Я дам вам эти пазлы. Но они дорогого стоят. В мире есть лишь определённый круг людей, владеющих этой информацией, но ещё больший состоит из желающих быть посвящёнными. Мы оба реалисты, и не буду скрывать, что с моей стороны это отнюдь не альтруистический шаг. Взамен – услуга за услугу – я хотел бы узнать о том, что открылось вам в этой истории, а лучше – увидеть сами находки. И отнюдь не те, что описаны в статье.

– Всё какими-то загадками говорите, – ответил я, как сумел, на этот ход. – Крайне заинтригован и, хотя не понимаю, о чём идёт речь, готов попробовать.

– Замечательнейше! Гость отреагировал так бурно, словно у него только что прошла многочасовая икота. Разговор обещает быть долгим, не разрешите мне курить в доме, чтобы не отвлекаться на перекуры? Я и без того смолю, как паровоз, а уж когда волнуясь – подавно. Сейчас именно тот случай.

– А по вам и не скажешь, своё «добро» я продемонстрировал тем, что распахнул одно из окон в гостиной и добавил в качестве бонуса, – могу предложить кофе. В последнее время перестал варить его в турке, а пристрастился к специальному для заваривания в чашке. Тот же молотый, но каким-то образом дополнительно обработанный. Просто роскошь! Пару ложечек в чашку, заливаешь кипятком, и через пяток минут наслаждайся приличным кофе. Правда, только чёрный молока не держу, как и сахара.

– Преотличнейше! Гость явно перебарщивал с употреблением превосходной степени, хотя на безудержного оптимиста был похож меньше всего.

Я принёс уже вскипевший термопот, кофе, чашку с ложечкой. Первые слова гостя сопровождались звуками, издаваемыми потрошением мягкой пачки сигарилл – маленьких сигар, по форме и толщине больше напоминающих сигарету, чирканьем зажигалки, журчанием воды..., но потом уже ничего не отвлекало от действительно интересного повествования. Было такое ощущение, что присутствуешь на лекции преподавателя, убедительно разбирающегося в предмете, а это всегда цепляет и порой даже компенсирует вялую харизму оратора. Впрочем, Льву Николаевичу на её отсутствие сетовать не приходилось.

– О Золотой Бабе, – начал он, – в наше время хотя бы краем уха не слышал разве что снежный человек. Как только её не называли на разных языках: Юмала, Золотая Старуха, Злата Майя, Калтась, Гуань Инь, Дьес Эмигет – Медная Статуя, Сорни Эква – Золотая Женщина, Сорни Най – Золотая Владычица или в просторечье Золотая Баба. И это ещё не полный перечень имён идола, чьё появление на капищах древней Пармы и Югры и исчезновение неизменно ставят вопросы: Когда? Откуда? или Куда? Нет ответа и на, казалось бы, менее сложный вопрос: как выглядит богиня? Уж более тысячи лет за древним божеством северных народов – угров, вогулов и остяков, предков нынешних хантов и манси, идёт охота. За это время хотя бы должно было появиться представление о том, как именно выглядит столь желанный предмет. Однако и с этим нет определённости.

Сведения по объёму немалые, но по сути – скудные и противоречивые. По версии одних, она – наследие мифической страны Гипербореи, другие предполагали, что это изваяние тибетской буддийской богини бессмертия Гуань Инь, выражающей суть бодхисаттвы (буквально – «существо, стремящееся к просветлению») Авалокитешвары. Дело в том, что у озера Зайсан на востоке Казахстана находилась караванная стоянка южных купцов, торговавших с остяками и вогулами. Вполне возможно, скульптурное изваяние прекрасной богини могло оказаться там, а уж потом попасть к жителям Севера и стать их божеством. И не просто одним из многих, а – Великим, к которому с поклоном и дарами многие века стремились все племена обширного края.

Известно немало описаний Золотой Бабы, от весьма традиционных для изваяний божества до оригинальных, в числе которых свидетельство австрийского барона Зигмунда фон Герберштейна. Он дважды – в 1517 и 1526 годах – бывал в Москве в качестве посла императора Священной римской империи Максимилиана I. Но можно предположить, что барона больше заботила не дипломатическая миссия, а что-то другое. Например... поиски Золотой Бабы. Есть основания думать, что посол главным образом был охотником за легендарной богиней. Желающих её заполучить числа не счесть. Веками они стремились на Урал и далее – в Сибирь, в надежде завладеть золотым изваянием, но все, кому довелось вернуться, похвастать успехами не могли.

Скандинавские саги повествуют о трех набегах викингов в девятом, десятом и одиннадцатом веках на Биармию – так они называли северо-восток нынешней России, целью походов было завладеть золотым божеством. Последнюю попытку предпринял ярл (так называли представителей родовой знати) Торир Собака. Одна из саг рассказывает о том, как его воины с большим трудом добрались до святилища, но пожить там не успели – появилась стража идола и перебила почти всех викингов. Оставшимся в живых пришлось срочно отступать.

– Лучше бы бродяги попытались сесть где-нибудь на княжеский престол, – не удержался я от комментария. – Это у варягов на Руси, как считают историки, неплохо получалось. Да и доходней дело-то, чем грабёж.

Лев Николаевич никак не прореагировал на мою реплику, дав понять, что прерывать его лекцию совсем не обязательно. Ну, и пожалуйста! Хотя твёрдо обещать не могу.

Из дальнейшего повествования я узнал, что неоднократно и дружины новгородских молодцов-ушкуйников отправлялись в походы за золотым кумиром. Например, известно о безуспешных попытках Гурята Роговича продраться сквозь урманы и миновать хитроумные ловушки. Был среди желающих заполучить Сорни Най и Семен Курбский, к встрече с которым фон Герберштейн готовился задолго до поездки в российскую столицу. Есть сведения, что особе, приближённой к императору, удалось добиться свидания с пленным воеводой Иваном Челядниным. Этот боярин, будучи одним из командующих русским войском во время войны с Ливонией, в ходе битвы под Оршей, состоявшейся 8 сентября 1514 года, попал в литовский плен, где через год умер. Так вот барон во время беседы с пленным воеводой выспрашивал у того, как отыскать на Москве Семена Курбского.

На рубеже XV – XVI веков тот с Петром Ушатый и Василием Гавриловым, собрав порядка пяти тысяч воинов, предприняли попытку завоевать Югорские земли. И частично это им удалось. Разномастное войско: его основная часть состояла из русских – с берегов Северной Двины, устюжан, вятичей, вологжан, к которым примкнули татары и мордва – выдвинулось на покорение северных земель двумя путями. Отряд Курбского и Ушатого продвигался по системе волоков, соединяющих водные «большаки» Севера – Онегу, Северную Двину, Мезень и Печору, а Гаврилов со своими ратниками шёл Волгой, Камой, далее по её притокам Колве и Вишерке до Чусовского озера, оттуда поднимались по Березовке к волоку на Волосницу – приток Печоры. Объединившись на этой северной реке, войско основало Пустозерский острог, ставший опорным пунктом для походов на Югорию – так именовалось прежде Приобье, где обитали ханты и манси. В столицу отряды вернулись в 1500 году не только с победами, давшими право Ивану III добавить к своему титулу звание «князя Югорского, Обдорского и Кондийского», но и с рассказами о Золотой Бабе. Сам Петр Ушатый обыскал междуречье Тавды и Оби в поисках святилища богини, но тщетно.

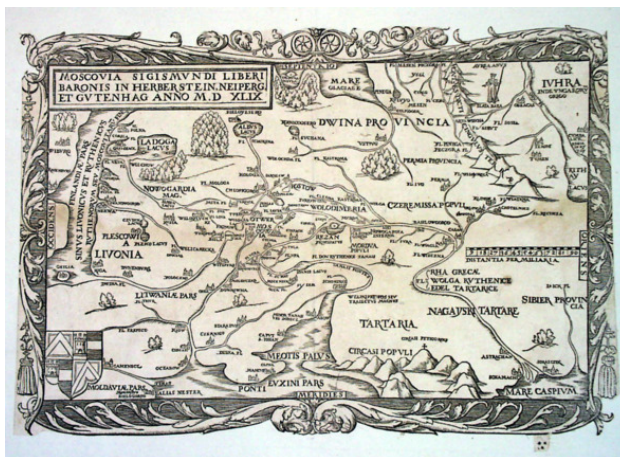
Судя по всему, встреча с триумфатором югорского похода Семёном Курбским у посла-барона состоялась в первый его приезд в 1517 году. Уж кому-кому, а напарнику Ушатого, изводившего себя и своих людей поисками Сорни Най, было что порассказать любопытному и щедрому на подарки иностранному посланнику. Не исключено, что вдохновлённый этими беседами глава дипломатической миссии стал строить проекты северной экспедиции и позабыл-позабросил дела своего посольства.

А между тем, главной целью его было способствовать прекращению войны между Московским царством и Литовским княжеством, а также склонить Ивана III уступить Смоленск Польше и вместе с поляками выступить против Турции. Но, как мы знаем из истории, свою миссию барон провалил. Так что можно сказать, Золотая Баба или, скажем так, – её призрак сослужили Российскому государству хорошую службу. Мира не последовало, Смоленск в ходе войны присягнул-таки московскому царю, страна не ввязалась в баталии против весьма грозного на тот момент противника – Османской империи, Польское же королевство после удачных набегов янычар на южную и центральную Европу стало терять былое могущество и до поры до времени поумерило имперские амбиции. Замиришь тогда Москва с Краковом, вынашивающим коварные замыслы, поляки могли оказаться в Кремле лет на девяносто раньше Смутного времени. И как знать, нашлись бы ещё или нет тогда свои Минин с Пожарским, чтобы выбить пшекков из Белокаменной и дать России шанс на возрождение. Так-то.

В 1526 году фон Герберштейн ещё раз побывал с посольством в Москве, но никаких политических дивидендов своему монарху и в этот раз не выгадал. Бесславный итог миссий австрийского дипломата может крыться в том, что он так и не смог познать прибауточно-частушечную русскую душу. Замыслы же искателя и путешественника даже не успели увязнуть в непролазной грязи распутицы – решительность повыветрилась от одного осознания масштабов российских просторов. Тем не менее, бесславными поездки в Россию не назовёшь, они прославили-таки его на всю Европу.

Собранные географические и этнографические материалы, в том числе и «Указатель пути в Печору, Югру и к реке Оби», составленный участниками похода Курбского, легли в основу книги «Записки о московитских делах», написанную на латыни и изданную в 1549 году. К фолианту прилагалась карта Московского государства, долгое время служившая основным источником для тех европейцев, кто интересовался загадочной страной. Одна из пометок этой карты весьма примечательна – между рекой Обь и Уральскими горами изображена женщина с указательной надписью SLATA BABA. Сама дама, к слову сказать, весьма отличалась от словесного описания – вполне такая европейская матрона без каких-либо акушерско-анатомических подробностей.

– Вот можете сами взглянуть, – с этими словами гость протянул мне... нет, не старинный фолиант и даже не ветхий от времени лист бумаги, как можно бы было ожидать от столь сведущего и представительного человека, а планшетник, с картой на экране и подписью под ней.

Карта из книги Зигмунда фон Герберштейна «Записки о московитских делах»

«За Обью, у Золотой Бабы, где Обь впадает в океан, текут реки Сосьва, Березва и Данадым, которые все берут начало из горы Камень Большого Пояса и соединенных с ней скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой Бабы, называются данниками князя Московского. Золотая Баба, то есть Золотая Старуха, есть идол у устьев Оби, в области Обдоре. Рассказывают, что этот идол Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже снова виден другой ребенок, который, говорят, ее внук. Кроме того, уверяют, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного. Если это так, то, по моему мнению, ветры сильно и постоянно дуют в эти инструменты».

Пока я изучал карту и текст, гость, демонстрируя, что начинает осваиваться, отлучился на кухню, ополоснул чашку и вновь заварил себе кофе. Вернулся же к повествованию после того, как сделал несколько глотков, перемежая глубокими затычками.

– Не давал покоя образ Золотой Бабы и Ермаку Тимофеевичу. Его, надо полагать, интересовала не столько ценность изваяния из драгметалла, сколько его магическая суть, ведь, согласно преданиям, обладателю богини подчинялись безоговорочно поклонявшиеся ей племена. А атаман ставил своей главной целью именно приведение сибирских народов под присягу русскому царю. «Летопись Сибирская, краткая Кунгурская» сообщает, что Ермак в марте 1582 года послал атамана Ивана Брызгу с отрядом вниз по Иртышу. Дойдя до устья реки, казаки направили свои челны вниз по Оби, к городищу Нимьян, где, как донёс осведомитель из местных, находился заветный идол. Взять городок опытным в ратных делах ушкуйникам Ермака не составило труда, однако Золотой Бабы они там, несмотря на тщательные поиски, не обна-

ружили. Вот только доложить о провале экспедиции атаману Брязге не довелось. На обратном пути его отряд попал в засаду и погиб.

Была ли это месть Сорни Най за посягательство на неё или нет, можно только гадать. Хотя местные племена в этом не сомневались, как и в том, что Ермак тремя годами позже поплатился за то же самое. По бытующей легенде, доспехи – стальная, покрытая золоченой медью кольчуга – были возложены к ногам богини – «...нага с сыном на стуле сидящая и приемлюще дары от своих...», как описана она в «Летописи сибирской...». Её ещё называют Ремезовской, по имени автора – картографа и историка Семёна Ремезова, жившего в Тобольске. Этот документ может претендовать на определённую достоверность. Он хоть и создан в самом начале XVIII века, но ссылается на источники более близкие по времени к покорению Сибири. Например, на сочинение Саввы Есипова «О Сибири и сибирском взятии» 1636 года, основанное уже на свидетельствах участников самого похода за Урал.

Среди искателей золотого идола были и христианские миссионеры. Их интерес к предмету был иной – найти и уничтожить, чтобы пресечь поклонение богопротивному истукану. Современному человеку тогдашние методы обращения в веру в стиле «пришёл, увидел, победил» могут показаться жестокими. Конечно, на их фоне сегодняшние попытки Церкви расширить своё влияние не только на паству, но и на общество в целом выглядят, пусть и крупномасштабными, но всего лишь военными учениями на фоне кровопролитных, изматывающих бессонницей и сумасшествием рукопашных схваток боёв местного значения. Обращали народы в веру отнюдь не идеалисты-духовники, предъявляющие реальные доказательства существования нимбов, что украшают лики святых на иконах, а материалисты, особо не тратающие своё время на уговоры.

Так, причисленный к лику святых Стефан Пермский в 1384 году предпринял ряд решительных мер по искоренению язычества в селениях по рекам Вычегде, Вымь и Сыsole: «Разъярился владыка Стефан на кумирницы пермский поганные, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожегл, топором посекал, сокрушил обухом, испепелил без остатку», – говорится в «Житии Стефана Пермского», написанном Епифанием Премудрым вскоре после кончины епископа в 1396 году. Считается, что после этого божество перенесли далее на север, куда в дремучие леса не переставали тянуться язычники с богатыми дарами.

Вплоть до Октябрьской революции и прихода к власти большевиков церковь не оставляла надежды отыскать злополучное изваяние. Организационным центром этих поисков стал основанный ещё в 1657 году Кондинский монастырь. Задачу братии делало невыполнимой то, что даже самые, казалось бы, истинные христиане-аборигены оставались втайне поклонниками Золотой Бабы. Так, монахи в 1757 году выявили среди усердных прихожан трёх сборщиков дани для Сорни Най. Но монастырский устав не признавал отчаяния, сыщики в рясах были большими оптимистами, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что ещё в начале XX века монастырь издал «Инструкцию Кондинской миссии», содержащую чёткие и строгие предписания по розыску «мерзкого идола».

Впрочем, и с приходом к власти безбожников-коммунистов охотники найти и завладеть золотой богиней не перевелись. И список легенд на эту тему за советские годы лишь приумножился. Среди них бытует такая. Одному ссыльному революционеру удалось-таки расположить к себе хранителей Сорни Най, и те позволили её лицезреть чужеземцу-иноверцу. Общение настолько обогатило его умственно и духовно, придало такой уверенности в своих силах, что впоследствии он смог вершить судьбу народов и стран. Имя того ссыльного было Иосиф, фамилия – Джугашвили.

– Вот даже как?! Интересно, из последней когорты никто в этом замечен не был?

– Чего не знаю, того не знаю, – недовольно подёрнул щекой рассказчик, надеявшийся, очевидно, на то, что я буду более трепетно внимать его словам, и решил закругляться. – Что-то из рассказанного мной вам уже, наверняка, было известно, что-то, очень надеюсь, услышали впервые.

– Определённо открыли много нового, – решил я приободрить гостя.

– Я столь пространно говорил об этом, чтобы показать, насколько могут быть масштабны и живучи мифы. Все вышеперечисленные охотники за Золотой Бабой – Торир Собака, Гурят Рогович, Семён Курбский с Петром Ушатом, Ермак Тимофеевич с Иваном Брызгой, Стефан Пермский с чернецами Кондинской обители – пожалуй, лишь за исключением участников первых походов викингов, – гонялись за призраком.

Нет, изначально Золотая Баба реально существовала, но к тому времени её уже не было на Урале, и удалялась она отнюдь не на север или северо-восток, где её прятали с глаз долой рьяные адепты, как все полагают, а в противоположном направлении.

– Противоположное у нас где?

– В Европе, Георгий Петрович, в Европе-матушке.

– Для меня матушка как-то всё больше с Россией сочетается.

– Ладно! – почёл за лучшее не развивать тему Лев Николаевич. – Кажется, я уже извёл вас своей болтовней, не хочется злоупотреблять вниманием столь благодарного слушателя. Да и для первого раза информации достаточно.

– Ну, меня-то вы несколько не утомили. Слушал бы и слушал, тут опаска в другом – как бы я не пресытился столь изысканной темой. Так что прерваться, действительно, стоит. Когда продолжим?

– А чего откладывать? Давайте завтра. В каком часу вам будет удобно меня принять?

– В это же время. Я мог бы предложить вместе пообедать, но считаю, приём пищи будет отвлекать от темы. Я, например, не могу воспринимать выступление артистов в ресторанах. Жующая публика неблагодарна по своей сути.

– Наивернейше! Абсолютно с вами солидарен, Георгий Петрович! Надеюсь, у нас ещё будет повод встретиться за столом – отметить наше сотрудничество.

– Отметить не откажусь. С умными людьми всегда приятно иметь дело. Только вот бы ещё взять в толк, о чём это вы, Лев Николаевич?

– Возьмёте, возьмёте, Георгий Петрович...

Уже когда проводил гостя до ворот и, немного повозившись с запором, распахнул их перед гостем, я задал вопрос, занимавший меня всё время, пока он развлекал меня рассказами.

– Где преподаёте? Я бы с удовольствием, если это возможно, посетил ваши лекции.

Мужчина слегка замешкался, словно запнулся о порог, но быстро нашёлся и с укорительной улыбкой, слегка покачав головой (что за бестактность, я был о вас лучшего мнения!) сухо ответил:

– В одном из столичных вузов... Но не думаю, что мои лекции увлекут вас. Я преподаю молекулярную биологию. Есть работа, есть и служение. Всего доброго. До завтра.

«СВЕРЧОК» ЙОРГУСА КЕНТРОТАСА

Визит московского гостя, что и говорить, озадачил. Лекторская болтовня, перемежаемая намёками на мою осведомлённость, определённо таила в себе опасность. Хотя задачей Льва Николаевича наверняка было обозначить мне радужные перспективы. Похоже, я со своими догадками и находками виделся кому-то на данный момент важной фигурой. Важной-то важной, но, скорее всего, – разменной. Даже не представляя всей картины происходящего, я пришел к пониманию, что разыгрывается какая-то серьёзная шахматная партия и фигуры в ней двигают отнюдь не простые смертные. Доска на шестьдесят четыре чёрно-белые клетки, она ведь, по сути, одна: что на столе во дворе хрущёвки, что на матче за звание чемпиона мира. Только в одном случае на кону шалабаны или, в козырном случае, пара-тройка сотен рублей, в другом – всемирная слава, реальные деньги и проверка твоих амбиций по наивысшим эталонам. Тут скорее, вырисовывался второй вариант. Только вот я был не игроком, а фигурой в чужих руках. Пешкой, но перед которой откроют перспективы пройти все шесть клеток по своему или чужому, если доведётся рубить, полю и обернуться ферзём, ну, или другим персонажем из первого ряда, «если терем с дворцом кто-то занял». Мой гость, кстати, тоже не тянул ни на того, кто двигает фигуры, ни даже на главную среди них. Максимум – на хоть и не действующего прямолинейно, но незамысловатого по своей сути слона.

Я ещё не знал, насколько далеко простирается осведомлённость Льва Николаевича со товарищи о моих, с позволения сказать, открытиях, но, скорее всего, она достаточно полная, раз направили ко мне переговорщика, наделённого определёнными полномочиями. Что ж, конечно, можно попытаться пойти в полный отказ и включить дурака в надежде, что отстанут. Но вряд ли это будет разумно. Мной уже заиграли. Вернее, я сам, не ведая того, сделал первый ход. Даже несколько, и, судя по реакции, – весьма продуктивных и неожиданных. О том, чтобы выйти из игры, нечего было и думать. Даже если и можно, то небезопасно. Необходимо быть в теме, и чтобы гроссмейстер не переставал видеть в тебе проходящую пешку.

На следующий день Лев Николаевич, несмотря на то, что ему пришлось преодолеть больше сотни километров, появился в точно означенное время.

– Нет, природа у вас просто наизамечательнейшая! – услышал я от него вместо приветствия.

Москвич был всё в том же костюме, только рубашку сменил. Показалось, в моём гардеробе есть такая же, ну, или почти – голубая, в мелкую белую полоску с похожей текстурой ткани, о чём я и не преминул сообщить гостю. Однако попытка сблизить наши позиции была отвергнута – весьма дипломатично, но довольно явно:

– Ну, не знаю, – снова, как и при вчерашнем расставании, чуть замешкался гость, даже забыв применить превосходную степень, но потом, призвав на помощь всё ту же чуть укоротительную улыбку, нашёлся. – Преотличнейшая, должен сказать, рубашка! Я купил по случаю в Мюнхене сразу семь штук, на каждый день недели.

Прозвучало это так, словно мне дали понять, что я позволил себе некое излишнее панибратство, так что мои догадки насчёт места в чьей-то игре, хоть и косвенно, но нашли подтверждение. Мне даже стало неловко за попытку сблизиться, хотя я никоим образом не навязывался в ближний круг. Просто ляпнул первое, что пришло в голову. Впредь следовало быть осторожней. Спасибо, Лев Николаевич, за науку.

Он и сам почувствовал возникшее между нами напряжение, понял, что допустил ошибку, не сдержав своего хренового снобизма. Поэтому быстро вошёл в образ рубахи-парня, тем более, что когда начинал говорить по теме, преображался, и слушатель невольно проникался к нему если не симпатией, то самым что ни на есть почтительным вниманием.

– Вчерашний рассказ, если помните, завершился тем, что практически все охотники за Золотой Бабой гонялись за её призраком или, если хотите, – тенью. Каждое описание богини сделано теми, кому лично лицезреть её случай так и не представился, они лишь передают слова других. Кажется, охотники за Сорни Най всегда опаздывают, каждый раз хранители идола успевают подменить его: то на деревянную копию, то на каменную. На самом деле подмен никаких и не было! Остяки, вогулы, зыряне и другие народы молились именно тем истуканам, которые попадались на капищах алчным искателям. Но верить в такое им не хотелось. Это означало признать, что все труды и жертвы были напрасны. Отсюда и версии о том, что Золотую Бабу хранители каждый раз успевали увезти, спрятать или подменить. При этом сами аборигены по какой-то причине поддерживали эти слухи. Может, видели, насколько губительна эта страсть для пришельцев и оттого старались подогреть её? В самом деле, ряды охотников за золотым тельцом, ряженным в бабу, косили и тяготы походной жизни, преумножаемые суровым климатом, и губили засады, куда их легко заманивали туземцы очередным мифом. А драгоценной статуи просто НЕ БЫЛО. Она – ФАНТОМ! Одна из самых великих мистификаций в истории человечества.

Хотя, конечно, на ровном месте такие легенды не рождаются. Прототип реально существовал, но в девятом веке его уже не было на Урале, и удалился он отнюдь не на Север – чуть ли не до плато Путорана на севере Якутии, как многие полагают, а в противоположном направлении. При этом оставил о себе такую память, что, воплощённая в легенды и мифы, обросшие, как водится, новыми подробностями и «свидетельствами», она благополучно сохранилась и до наших дней. Мало того, миллионы людей ежегодно лицезреют её воочию. Но обо всем по порядку.

Помните, как по-разному представлена Золотая Баба у фон Герберштейна в «Записках о московитских делах»? Автор, получается, свёл воедино европейскую и азиатскую версии происхождения богини. Топографический знак – богиня Минерва с копьем в руках – влияние итальянских авторов, считавших, что Золотая Баба – это Юнона (вместе с Юпитером и Минервой возглавляющая пантеон римских богов), которая попала в Югорскую землю из Римской империи. Словесное же описание делает её похожей на тибетскую богиню бессмертия Гуань Инь – это уже отсылка к версии восточного происхождения. Помните, «... идол есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе», и там уже «виден другой ребенок, который, говорят, ее внук». Весьма сюрреалистично, не находите? Не потому ли Гуань Инь нередко изображали в виде своеобразной матрёшки, содержащей внутри себя уменьшенную копию.

Но чаще всего образ богини в описаниях предстаёт вполне земным воплощением женской красоты и изящества. Глазам же многочисленных охотников являлись в основном топорно сработанные идола. «Топорно» здесь следует воспринимать даже не фигурально, а буквально. Это вполне соответствовало уровню развития таёжных народов, тех же вогулов или остяков. Впрочем, почему только их? Языческие идола соседей – славян и варягов в Средние века также не отличались изяществом форм и тонкой работой. А между тем, богиня из драгметалла в основном представлялась высокохудожественным скульптурным изображением в стиле классицизма, а отнюдь не наивного искусства. Изваять подобное югорским мастерам было нереально – не их стиль и метод. Обтесать бревно или камень в перерыве между охотой или рыбалкой, действуя по наитию, пусть и божественному, это – пожалуйста. Тут же – другой случай, высшая лига по сравнению даже не с заводской, а дворовой командой! Тем более, если речь идёт о литом из металла изделии. Таких технологий в тайге просто никогда не существовало, чего не скажешь о древней Греции или Риме, где литые фигуры обитателей Олимпа и Пантеона были делом привычным. Вполне логический вывод из всего вышесказанного: родина Золотой Бабы – Европа, в частности, Древняя Греция или Римская империя, о чём не раз высказывались историки.

И руку к этим творениям прикладывали величайшие мастера своих времён. Так, древнегреческий скульптор Пракситель, живший в IV веке до нашей эры, создал из мрамора статую Афродиты Книдской, в которой воплотил образ знаменитой гетеры Фрины. Это земное воплощение богини любви влекло в святилище города Книда тысячи паломников. Люди устремлялись со всей Греции для того, чтобы молитвенно вскинуть к статуе руки и воскликнуть: «Нет ничего прекрасней божественной красоты Афродиты!». И так уж вышло: позже именно это вменили в вину её прообразу. По мнению обвинителей, куртизанка оскорбляла величие богов. Но красота гетеры оказалась лучшим адвокатом. Когда Фрина предстала перед судьями обнажённой, они не решились вынести смертный приговор той, «которую сама богиня признала бы своей сестрой». Наивные греки тогда полагали, что в совершенное тело не может вселиться несовершенная душа. После смерти своей музы и любовницы Пракситель отлил из чистого золота её статую, украшавшую храм Дианы Эфесской.

Из этого не следует, что Золотая Баба и есть то самое изваяние. Хотя в нашем случае – заметьте, я говорю «нашем» – есть определённая связь. Дело в том, что именно Праксителю одно время приписывали авторство статуи богини Афродиты, найденной в 1820 году на острове Милос и получившей всемирную известность под именем Венеры Милосской. Всё дело в том, что именно эта, одна из самых известных скульптур в мире и была когда-то Золотой Бабой.

– Я вижу, вы не очень-то удивлены моими словами, – произнёс гость, выдержав паузу, которую отвёл себе для прикуривания очередной сигариллы, а мне – для выражения эмоций. – Лично я нахожу эту реакцию довольно странной для человека, насколько я понимаю, любопытствующего по своей природе, а тем более – журналиста.

Теперь настала моя очередь взять микротайм-аут. Но если собеседник надеялся, что пауза мне понадобилась для того, чтобы прийти в себя, то он заблуждался. И пусть. Тем лучше. Я ещё вчера понял, зачем этот пижон припёрся за тридевять земель. Или дать ему понять? Пожалуй, рано.

– Если вы, Лев Николаевич, надеялись своим заявлением привести меня в душевный трепет, то прогадали. Глядя на ваши манипуляции с пачкой сигарет, я лишь вспоминал одно стихотворение:

*Сухое левантийское лицо,
Упрямое оспинами в бачки.
Когда он ищет сигарету в пачке,
На безымянном тусклое кольцо
Внезапно преломляет двести ватт,
И мой хрусталик блеска не выносит,
Я жмурюсь, и тогда он произносит,
Глотая дым при этом: «Винуват».*

– Что-то знакомое... Бродский?

– Угадали. «Зимним вечером в Ялте». А что касается профессии... Знаете ли, она накладывает определённый отпечаток – привычку всё подвергать сомнению. Например, декану моего родного факультета журналистики Уральского университета Борису Маковскому приписывают слова о том, что, если мама говорит, что любит вас, обязательно проверьте. Да и постоянно приходится выслушивать истории, которые с позиций здравого смысла всерьёз можно рассматривать не иначе, как в качестве бреда. Надо отдать должное, вы в этом плане большой оригинал.

– Ёрничаете, Георгий Петрович, ну-ну... Держитесь молодцом. В покер не играете? Нет? Зря. Из вас мог бы выйти толк. Там ведь главное – не выдавать своих эмоций, у вас это хорошо

получается. Знаете, мы предполагали, что вы уже о чём-то догадываетесь, теперь я в этом почти уверен.

– Ну, мои догадки, если такие имеются, это всего лишь фантазии на тему... Вы же, надо полагать, располагаете фактами? И к тому же столь убедительно приводили доводы в пользу литой фигуры из металла, как тут же называете изваяние из мрамора.

– Доводы были не столь моими, сколь общепринятыми. Среди них, кстати, есть и предположения в пользу того, что Сорни Най могла быть хризозефантиной – изготовленной из деревянного каркаса, на который крепились пластины из слоновой кости, позже покрываемые золотом. В данном же случае золото наносили на камень. Об этом свидетельствует и анализ краски, обнаруженной в порах мрамора Венеры Милосской. Есть там и природный краситель, который использовали первоначально ещё древние греки, римляне ободрали его, придав камню первоначальную красоту, но позже статую золотили уже здесь, на Урале. Сюда она попала с одним из племён угров, участвовавших в нашествии гуннов на Европу. Здесь её покрыли краской на основе золота и воска, которая сама по себе недолговечна, но и её следы учёным удалось обнаружить.

– Согласен, это кое что объясняет. Но есть ли у вас на руках какие-то факты в подтверждение своей версии? Без них это лишь очередная, пусть и весьма интересная, гипотеза. До такого, при определенном раскладе событий, мог додуматься человек, даже не имеющий глубоких познаний в этой теме.

– Конечно, мы имеем достаточно веские основания так считать. Но вот вы, действительно, докумекали! Мне, честное слово, импонирует, как вы, Георгий Петрович, прикидываетесь простачком. Знаете, это у вас даже как-то весьма натурально получается. Но предлагаю прекратить разыгрывать спектакль. Я буду с вами откровенен, чего вправе ожидать в ответ.

Начну с того, когда и как именно стало нам ясно, что вы, по вашему выражению, докумекали до сути. Этой весной, будучи проездом в Москве, вы посетили Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Нет, ничего удивительного в самом факте посещения не было. Вы – человек пусть и не высокой, уж простите, культуры, но в какой-то интуитивной тяге к прекрасному вам не откажешь. Вот и Бродского наизусть цитируете... Хотя кого сегодня этим удивишь? Примечательно другое – вы сделали десятки снимков выставленной в музее точной копии-слепка или по-другому – реплики Афродиты Милосской. При этом большинство из них запечатлели те части статуи, где прежде крепились утерянные ныне её элементы. Это свидетельствует о целенаправленности, а отнюдь не случайности выбора.

– Вот даже как. Кажется, вечер перестаёт быть тёмным.

– Вечер? Помилуйте, сейчас полдень. Ах, да... Наверняка, это цитата откуда-то. А вы, значит, из тех умников, что любят пересыпать свою речь известными фразами. Н-да... Нет, у некоторых это получается, и порой весьма остроумно. Чаше же человек, очевидно, стараясь прослыть эрудитом, вставляет известный ему десяток фраз из классики литературы или кино к месту и не к месту. Надеюсь, вы относитесь к первым.

Что же касается остального, то да... мы стараемся быть в курсе ваших дел. Правда, пока не дошло до физической слежки, но ведь при нынешнем уровне коммуникабельности и интернетобщения это и не требуется.

– Про Пушкинский музей я информацию в соцсетях не размещал.

– Уж извините нас или нет, но нам пришлось взломать вашу электронную почту, на неё мы отправили с планшета снимки статуи.

Последние слова москвича, с одной стороны, подтвердили мои догадки относительно находок Журавля, но радоваться своей прозорливости мешало чувство тревоги, которое несли признания гостя. И надо понимать, это было лишь началом.

– Нас... нам... Может, уже скажете, кого или что вы представляете? До последнего времени я не был уверен, что хочу это знать, но теперь, вижу, деваться мне некуда. Если вы хотели, чтобы я перестал валять ваньку, то, считайте, ваша взяла.

– Ну, скажем так, мои задачи простираются гораздо шире... Но если брать некий этап, то да. Однако пока лишь частично удовлетворю ваше любопытство. Скажу лишь, что я представляю Орден божественной длани. Это тайное общество ставит целью отыскать руки так называемой Венеры Милосской, воссоединить их со скульптурой и явить миру шедевр искусства в первозданном его виде.

О самом Ордене и его деятельности расскажу позже. А пока, давайте-ка, я сделаю себе кофе, закурю, с вашего позволения, и посвящу вас в некую вводную часть, касающуюся Богини, как её принято называть в нашем кругу. Догадываюсь, что вам многое и без того известно, однако – в ракурсе общепринятых версий, во многом основанных, как сами убедитесь, на фантазиях и домыслах. Ну и это, в определённой степени, нужно мне самому. Понимаете, имеется некий план лекций по предмету, и вдруг из него приходится изымать какую-то часть, вследствие чего рушится вся система изложения. Допустить этого мне крайне не хочется...

Лев Николаевич уже привычно обходился с термопотом, выставленными возле него приборами и банкой кофе. Через три минуты в руках у него дымились чашка пахучего напитка и ароматная мини-сигара. На этот раз повествование столичного профессора молекулярной биологии было более образно. Если предшествующая часть его рассказа, как и вчерашняя, изобиловала больше фактами, то сейчас Лев Николаевич стал позволять себе лирические отступления, которые порой были похожи на выдержки скорее из художественного, чем документального повествования. Оттого в воображении слушателя легко рисовались образы героев, среда, в которой они обитали. Сразу становилось понятно, что эта тема близка и довольно тщательно изучена гостем. И не упустил он эту часть ещё потому, что ему хотелось, чтобы кто-то оценил его труды.

– Поверьте, когда-нибудь дата 8 апреля станет широко отмечаться повсеместно, наравне с Рождеством, Курбан-байрамом или Песахом. Люди обязательно проникнутся величием момента, когда миру явилась Венера Милосская, которую в нашем кругу принято называть Богиня. Пока же это удел лишь посвящённых. Но обо всём по порядку.

В этот весенний день 1820 года крестьянин Йоргус Кентротас из городка Кастро, что расположен на острове Милос, решил поправить стену во дворе дома. Он запряг осла в небольшую телегу, сложил туда инструмент и с сыном Теодорасом и племянником Аминтасом отправился за материалом. Следовало разобрать часть остатков древней стены, сложенной из необработанного камня и являющейся границей участка Кентротасов. Участок располагался неподалёку от развалин античного театра и нависал террасой над склоном горы. Надо сказать, основную часть этого небольшого острова, расположенного в архипелаге Киклады в южной части Эгейского моря и имеющего в длину с запада на восток порядка двадцати трёх километров, а с севера на юг – тринадцати, занимают горы, так что сельхозучасткам и оливковым рощам приходится ютиться на горных склонах.

Вид поля привёл крестьян в бодрое расположение духа: кукуруза взошла дружно, всходы обильно полило дождями, так что следовало ожидать хорошего урожая. Вдохновившись увиденным, Йоргус размышлял о том, на что в первую очередь потратит деньги от продажи части урожая. А возможно, если даст Господь, удастся что-то и отложить. Но не на чёрный день откладывал милоссец. Его заветной мечтой была небольшая маслобойня. Имей он её, не пришлось бы полностью зависеть от того, уродится кукуруза или нет, да и самому, глядишь, не надо будет горбатить спину с мотыгой в поле. В том, что маслобойня будет выгодным предприятием, сомневаться не приходилось. Оливковых деревьев в округе росло предостаточно, а вот масло-

бойня на острове имела всего одна – в самом большом селении Плаке. Туда-то и свозили мешки с оливками местные крестьяне, кто на продажу, кто на переработку. Маслобойня же была небольшой и довольно ветхой. Того, что стекало по её жёлобу, с трудом хватало самим милоссам. Вот если бы запустить новую... Эх, говорят, появились какие-то чудо-машины на паровой тяге. У них и выход масла больше, да и выработка выше. Тогда смело можно бы было загадывать и о поставках за пределы острова. Во всяком случае, оливковое масло, или, как его ещё называли европейцы, – прованское, охотно покупали на кораблях, под разными флагами заходивших в главную гавань острова, городишко Адамас. Ещё бы не брать им такое! Ведь на Милосе рождалось не просто оливковое масло, а густой зеленовато-жёлтый нектар, да такой ароматный, что от одного только запаха начинало слегка першить в горле.

Бывая в Адамасе, Йоргус непременно посещал церковь Святой Троицы и, молясь о здравии живущих и царствии небесном для усопших родственников, неизменно прибавлял в конце просьбу к Всевышнему помочь ему в осуществлении мечты. Но тот оставался глух к мольбам крестьянина, или его уши были забиты просьбами других. Во всяком случае, тряпица, связанная по углам в узлы, куда милоссец заворачивал маслобойные деньги, тяжелела серебряными монетами не больше, чем беременная мышь, и так же быстро облегчалась – непредвиденные нужды сыпались, как манна небесная на Моисея и его соплеменников во время сорокалетних скитаний после исхода из Египта. Сейчас там хранилось лишь несколько турецких курушей или, как их ещё называли, – османских пиастров, которых хватило бы разве что на рычаг для пресса.

Но дошёл-таки черёд и до рассмотрения просьб в меру трудолюбивого и честного грека, занесённых в небесную книгу жалоб и предложений. Милость добралась до Адамаса на фрегате «Л» Шевретт и бросила якорь невдалеке от стен храма Святой Троицы. В шелесте парусов при обострённой и чуткой интуиции можно было услышать шуршание купюр, а в лязге якорной цепи – звон монет. Но ни самому Йоргусу, ни его сыну с племянником, даже вздумай они выделить эти обычные портовые звуки среди других подобных, они не показались бы особыми знаками, а остались тем, чем и были на самом деле: шелестом парусов и лязгом якорной цепи. Подобные откровения доступны либо тем, кто избавлен от мыслей о хлебе насущном, либо абсолютно нищим. Кентротасам не повезло уродиться среди одних, но они не могли позволить себе оказаться среди других.

Крестьяне возились с камнями, выламывая их из древней кладки и укладывая на телегу, то и дело покрикивая на осла, норовившего добраться до молодых сочных побегов кукурузы. Однако целенаправленность животного не могли поколебать людские брань и удары, и в тот момент, когда отец с сыном из последних сил пытались взгромоздить на телегу тяжеленный монолит, осёл в очередной раз сунулся к посадкам, и поклажа полетела наземь. Вот только на этот раз упёртой животине не досталось по хребту, а слова застряли в горле только и ждавшего повода выдать бранную тираду Йоргуса.

Земля под ними ожила, заходила, как при случающихся в этих местах землетрясениях. Но окрест ничто не шелохнулось, лишь под ногами сначала камешки поменьше стали осыпаться в образовавшуюся щель под упавшей каменюкой, потом и её саму разом поглотила пустота. Судя по эху от удара, не бездонная. Люди отпрянули от провала, потянув за собой враз ставшего послушным осла, но увидев, что щель не разрастается, подошли к ней и попытались заглянуть внутрь. На них в свою очередь из обширной полости палилась ослепляющая темень.

Йоргус послал юношей в дом за фонарём и верёвкой, а сам стал будоражить воображение тем, что обнаружит в подземелье что-нибудь античное, за что можно будет выручить немалый куш у европейских моряков. В голове его тут же ожил «сверчок». Лишь выдавалась свободная минута, мечта о маслобойне вновь занимала все крестьянские мысли. «Цв-и-и-к, цв-и-и-к...», – донимали они, словно песня сверчка в ночной бессонной тишине дома. И это не были какие-то бесплотные мечтания из серии «А вот бы было здорово однажды...». Нет, в чере-

пушке Йоргуса роились различные способы устройства будущей маслобойни, хотя реально удавалось отложить лишь крохи, остававшиеся после уплаты всех податей – туркам, общине, церкви – и расходов на семью по статье «прокормить-одеть-обуть».

В последнем разделе глава семьи изо всех сил старался свести траты к минимуму. Например, свежие лепёшки Кентротасы ели лепешки раз в неделю. По настоянию хозяина жена пекла их по многу и впрок. Расчёт Йоргуса был в том, что мягкого хлеба можно съесть вдвое по сравнению с чёрствым. Сыр или сливочное масло на стол попадали ещё реже выпечки с пылу с жару. Полученное от семи коз молоко перерабатывалось и уходило на продажу, самым доставалось лишь то, что не сегодня-завтра могло испортиться. Такое продавать себе дороже – покупатели могли отвернуться, так что как ни велик порой был искуса нажать лишний пиастр, приходилось сдерживать себя. Масло в готовку шло оливковое, такого, считал Йоргус, опять же меньше съешь, чем сливочного. Экономил он и на угощениях, когда без них уж никак нельзя было обойтись – на Рождество, Пасху или именины. Пришедшему с порога подносились большая чарка раки. Делалось это не от щедрот, тут весь расчёт был на то, что гостя сразу же возьмёт хмель, после чего тому станет не до еды – так, занюхать-закусить, да и выпивки уже меньше требовалось, чтобы напиться всласть. Цв-и-и-к, цв-и-и-к.

А вдруг там целая статуя?! Сам он таких не видел, но говорили, что кому-то попадались каменные изваяния обнажённых тел. Ох, уж эти греки (сами милоссы не ассоциировали себя с ними), такие бесстыдники! Держать в домах на виду голых каменных баб, ведь это срам да и только. Крестьянин даже попытался представить себе такую, но из этого ничего привлекательного не получилось. Уже много лет женская нагота представляла ему исключительно в образе его жены Алкесты, сильно располневшей в последние годы. Правда, она и в молодости была дородной, но с какой-то особой грацией, вот только зрительно восстановить этот образ супруг не мог, отчего ещё более недоумевал по поводу греков.

Когда парни вернулись, мужчина первым делом спустил в провал на верёвке зажженный фонарь. Тусклый свет большей частью растворился в беспросветной мгле, но его остатков хватило, чтобы понять, что под ними сводчатое каменное помещение, внутри которого что-то белело. Неужели и в самом деле статуя?! Вместе с холодом из подземелья на Йоргуса повеяло запахом денег, что лишь подстегнуло его к действию.

Отец, как самый могутный, остался наверху для страховки, а в провал по верёвке, один конец которой привязали к вбитому в землю колу, спустился сын. Осмотревшись в мерцающем свете фонаря, Теодорас разглядел в нише стены древней крипты статую из белого мрамора. Она была выше его, даже, пожалуй, не меньше, чем на полголовы, превышала рост отца. Услышав об этом, Йоргус вскинул в небо руки с распростёртыми ладонями, но вместо хвалы Всевышнему из его глотки вырвался торжествующий крик из одних гласных, перемежающихся в произвольном порядке. Потом он развёл руки в стороны, сжал кулаки и пустился в пляс, позабыв об опасности провалиться под землю. Аминтас глупо улыбался, глядя на сумасшедшие выходки дяди, осёл же, воспользовавшись моментом, самозабвенно уплетал сочные кукурузные побеги. И лишь Теодорас был далёк от земных утех. Он стал первым за не одну сотню лет человеком, которому предстал прекрасный божественный образ. По мере того как вглядывался в статую, он всё больше, несмотря на отсутствие у неё рук и изуродованный нос, впечатлялся красотой и изяществом её форм, они заставили его позабыть все переживания столь насыщенного событиями дня. В реальность его вернул лишь голос отца. Оборвав свой танец счастливец, тот, перемежая обращения по имени с бранью, довольно долго пытался докричаться до ставшего невменяемым отрока.

– Ну, как вам такая трактовка событий? – Лев Николаевич неожиданно оборвал свою, по-другому не скажешь, песнь песней. – Я так много раз представлял себе этот момент, что словно бы стал его свидетелем. Это хорошее начало для романа. Дарю! Думаю, вам может

пригодиться. В самом деле, бросайте работать на потребу дня. Ведь ваши даже самые удачные статьи живут только до следующего номера. Не обидно? Творите если не на века, то хотя бы для своих современников.

– Обязательно подумаю над вашими словами. Вам бы самому, мне кажется, не мешало заняться писательством. Выходит толково и занимательно. Может, продолжите? Кофе я сам заварю.

– Спасибо. Тронут. Выражаясь на ваш манер цитатами, скажу словами Татьяны Лариной: «Но я другому отдана; Я буду век ему верна». В писательском ремесле, кроме определённых способностей, нужна ещё и немалая самоотдача, а она у меня направлена, как вы уже понимаете, на иные цели. Могу лишь позволить порыв вдохновения, но писатели не с него кормятся. А вот вам стоит серьёзно этим делом заняться. Сюжет для дебютного романа практически готов.

– Фактического материала маловато, Лев Николаевич. Как тут будет не увлечься, не насочинять чего-нибудь лишнего.

– Факты будут. А вот уж чего не стоит опасаться в этой истории, так это создания очередной небылицы. Практически все, кто был причастен к ней, врал и продолжают это делать, так как их версии, растиражированные во множественном числе, продолжают жить. Правду, конечно, кое-кто тоже выдавал, но её ещё надо услышать.

Пожалуй, ни одно произведение искусства не породило столько мифов и вымыслов вокруг себя, как Богиня. Многие вопросы до сих пор, спустя почти два века после находки на греческом острове, считаются спорными. Во многом благодаря этому статуя и обрела сверхпопулярность – за год Лувр посещает порядка семи миллионов человек, желающих взглянуть на неё. И всё благодаря отличному пиару. Правда, он получился стихийным, никто его специально не планировал. Вышло так в том числе потому, что у всего, что связано со скульптурой, есть несколько версий, начиная от момента её находки, истории борьбы за обладание между французами и турками и заканчивая, пожалуй, главными вопросами – причиной отсутствия рук и их возможного положения.

– То есть все врал, врут... Все, кроме вас?

– Конечно! Во-первых, их цель оправдывала средства – сначала привлечь внимание, подороже продать, потом заявить о себе, наша же совершенно иная – установить истину, поэтому необходимо избавляться от всех выдумок. Во-вторых, мы располагаем подлинным свидетельством, которому, надо полагать, вы нашли фактическое подтверждение, ну или подобрались к этому близко, как никто другой.

Все врут

– Может, на какое-то время отложим, раз всё равно не миновать предположения на мой счёт, – я не удержался, чтобы не одёрнуть гостя, опасаясь, что тот попытается увести разговор в другое русло. – Давайте уж ближе к подлинным свидетельствам, про которые вы обмолвились. Это, по крайней мере, хотя бы более предметно.

– Как пожелаете. Я описал момент находки Йоргусом Кентротасом, но и у этой части событий, как ни странно, есть варианты. Странно, потому что понятно, почему в последующих моментах развития этой истории возникло немало разночтений: каждый участник хотел вписать в неё своё имя, извлечь из этого определённые дивиденды, вот и добавлял, с позволения сказать, эксклюзива. Но, казалось бы, какие могут быть варианты? Крестьянин едва не провалился под землю, в провале обнаружил древнюю скульптуру и потом продал её то ли туркам, то ли французам. Но нет. То начинают появляться какие-то люди, присутствовавшие при этом и чуть ли не руководившие действиями невежды-крестьянина, то скульптуру находят по частям, то целиком и с руками, к тому же в одной из них она держала яблоко.

Что касается находки, то было всё, как я вам описал. Кто бы и с какой целью не скрыл в подземелье изваяние, не стал бы прятать его разобранным на части. Это же образ Богини, а не коробка с конструктором «Лего», засунутая под детскую кровать. Можно с довольно большой долей вероятности говорить о том, что для древних милосцев эта скульптура была воплощением высокочтимого божества, возможно – хранительницы острова. И укрыли её, чтобы избежать повторного умыкания за его пределы.

Правда, скульптура действительно оказалась разборной – обнаженный женский торс отделялся от задрапированных ног. Без этого Йоргусу ох как непросто пришлось бы при извлечении своей находки на свет божий без посторонней помощи. Шутка ли, высота статуи шесть футов семь дюймов, это чуть больше двух метров, да и весит она прилично. Обращаться за помощью к кому-то со стороны милосцев не хотел, ведь любой приложивший к этому делу руку мог после претендовать на роль компаньона. А эта находка была только его, делиться с кем-либо выручкой от её продажи он не желал.

– Поэтому больше никаких свидетелей на этом этапе не было и быть не могло?

– Вот именно! Любой из них являлся угрозой мечте Йоргуса Кентротаса. А вы благодарный слушатель, Георгий Петрович.

– Я бы сказал – профессиональный. В журналистском деле умение слушать не менее важно, чем писать.

– Будем считать, нам обоим повезло. Так вот, что касается своего рода «конструктивизма» статуи, то уже позже, в Париже некий Клод Тарраль выяснил причину такой особенности. Этот богатый меценат и покровитель искусств, кстати, тоже изрядно приложивший руку к мистификации образа, определил, что статуя высечена из особого сорта мрамора – coralicus, как его называли в античные времена. Обычно скульпторы того времени использовали паросский мрамор, но этот сорт, доставляемый из Малой Азии, превосходил его качеством, так как напоминал слоновую кость. Правда, у него имелся и недостаток – порода не образовывала больших монолитов, её куски едва превышали метр. Может, для какого другого изваяния такое и было бы минусом, только не для этого. И дело даже не в том, что милосцу с его юными помощниками не пришлось пупы надрывать, поднимая его из крипты. Так уж получилось, что транспортабельность сыграла большую роль в весьма и весьма интересной, я бы даже сказал, захватывающей, судьбе скульптуры.

Что касается рук, то их, как я уже говорил, не было. Хотя немало свидетельств обратного. «Одежду, закрывавшую её лишь до бедер и ниспадавшую на пол широкими складками, она придерживала правой рукой. Левая была слегка поднята и изогнута – в ней она держала шар,

величиной с яблоко», – так описывал свою первую встречу с Богиней Жюль Дюмон-Дюрвиль. Помните, я говорил про французский корабль «Л» Шевретт», что бросил якорь в одной из бухт острова? Так он был лейтенантом на этом гидрографическом судне.

Сейчас пишут, что молодой человек – на тот момент ему было 29 лет – был заядлым любителем античности. Это, конечно, можно принять за выдумку, учитывая то, как по прошествии времён любят романтизировать и сами времена, и людей оных. Скорее можно предположить, что при заходе в порт во время плавания думают о другом. Верно, Георгий Петрович? Кому это знать, как не вам, ведь вы тоже в молодые годы, как говорится, бороздили просторы мирового океана?

– Если вы про портовые кабаки и проституток, то у советского матроса денег на них не водилось. Помнится, суточных всего доллар начисляли, за рейс полторы сотни набегало, так что едва хватало ширпотребом где-нибудь на рынке затариться. Да и не думаю, чтобы на каком-то занюханном островке можно было как следует развлекаться.

– Вот как приятно иметь дело со знающим человеком! Нередко приходилось тем, кто думает, что Дюрвиль охотнее бы изучал таверны и бордели, чем занимался поиском артефактов, напоминать о том, что Милос – это не Марсель или Кале. В плане доступных и незамысловатых развлечений остров был целомудренней, чем, скажем... да хоть ваш Нижний Тагил в годы первых пятилеток.

– Да что все привязались к этому городу? Таги-и-и-ил! Два шута гороховых: один – вятский, мужик хватский, другой – сочинский армянин подурачились, а вышло, походя устроили поминки имиджу Уралвагонзавода с его «летающими» танками Т-90.

– И в мыслях не было задеть ваши патриотические чувства, – несколько сбитый с толку моей реакцией и рассчитывающий, скорее, на обратное, вымолвил Лев Николаевич и потянул из пачки курево. – Что поделаешь, массмедиа делают своё дело, вот к слову и пришлось.

– Да не оправдывайтесь. Не за что. По крайней мере, вам. Так что там с целомудрием Милоса?

– Чтобы закрыть тему, скажу, что Греция лишь через девять лет стала независимой, а на тот момент входила в состав Османской империи, где содержание кабаков, курilen гашиша и публичных домов было под запретом.

На самом же деле морской французский офицер не скуки ради обходил дома милоссцев, а в поисках древностей. Лейтенант Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль в гидрографической экспедиции по изучению Средиземноморья отвечал за ботанику, энтомологию и археологию. Недаром у него под рукой всегда была книга древнегреческого философа и географа Павсания «Описание Эллады», своего рода античный путеводитель с описанием известных когда-то творений зодчих и скульпторов. Так что он-то уж мог определить истинное значение той или иной древней вещицы. Хотя ничего стоящего не попадалось. До 8 апреля 1820 года.

Правда, первая удача едва не обернулась полным фиаско. В тот день Жюль отправился на поиски на пару со своим товарищем лейтенантом Амаблем Матрэ. Но тут ребята попали в ситуацию, словно пошли купить семечек стакан, а им из-под полы предложили набор фамильного серебра. Могу представить их состояние, когда в сарае у Кентротасов они увидели Богиню. Поначалу теплилась надежда, что хозяин окажется полным идиотом и уступит статую за пару сотен франков, но Йоргус не оправдал этих ожиданий. Запрошенная им цена поразила, сбила полет фантазии, смело набирающей высоту и открывающей всё новые горизонты. Пять тысячи франков!

– Да ты с ума спятил, тупая скотина?! – не удержался Дюмон-Дюрвиль, когда сначала путём распыловки, а потом и карандашом на бумаге окончательно прояснилась цена вопроса. – Да я за год столько не получаю!

– Этот баран, наверное, думает, что мы в трюмах «Л» Шевретт» золото или государственную казну перевозим, – подхватил его товарищ. Крепкие словца скрепляли лексикон обоих

моряков, как суровая нитка парус, тем более, что в выражениях можно было себя не стеснять, потому как грек ни слова не понимал по-французски.

Йоргус Кентротас действительно умом не блистал, но и тупым его назвать было нельзя. Правда, в другие времена, пока крестьянина ещё не стали одолевает мысли о собственной маслобойке, запрашиваемая им сумма могла оказаться значительно меньше, но пять тысяч франков – столько стоила маслобойка. Крестьянин смекнул, что ухватил птицу счастья за хвост и теперь опасался, как бы в руках не осталась лишь пара перьев. Главное – не продешевить, другого такого шанса жизнь не отвалит, так что надо стоять на своём. Пусть у этих господ таких денег не окажется, но рано или поздно появятся другие. «Подожду, – думал про себя крестьянин. – Эта баба в темнице тоже своего часа немало, поди, ожидала».

Будь Жюль и его товарищ обычными барыгами, надеющимися купить по дешёвке антик, который у антикваров на материке ушёл бы втридорога, то они бы, скорее всего, отступились. Но Дюмоном-Дюрвилем двигала другая страсть, та, что ведёт охотников и первооткрывателей. Не зря позже ему не раз предстояло открывать новые земли во время кругосветных путешествий и экспедиций к Антарктиде и даже довелось увековечить своё имя на географических картах.

Он тут же отправляется к французскому консулу на Милосе Бресту в надежде убедить того купить для страны статую. Тот уже был в курсе находки Йоргуса, но не мог самостоятельно принять решение, так как не обладал большими знаниями в вопросах искусства, да и не по его рангу такое. Единственное, что он мог, – обратиться по инстанции. Незамедлительно в город Смирну, генеральному консулу Давиду уходит письмо, в котором Брест излагает суть вопроса. В частности, дипломат пишет: «Одни из видевших статую офицеров утверждают, что в ней нет ничего особенного. Другие, наоборот, доказывают, что это – великолепная работа. Если вы хотите, чтобы я приобрел ее за счет правительства, прошу соответствующих распоряжений».

Об этом он ставит в известность Дюмона-Дюрвиля, но оба понимают, насколько неповоротлива бюрократическая машина, а промедление может обернуться потерей – того и гляди появится кто-нибудь, не стеснённый в средствах, и пиши пропало. Лейтенант убеждает капитана «Л» Шевретт» сняться с якоря, и через пару дней судно направляется в Константинополь. В столице офицер лично доложил обо всех обстоятельствах дела послу Франции маркизу де Ривьер. Вот только чтобы вызвать интерес к статуе, лейтенант умалчивает об отсутствии у той рук, мало того, при описании антика упоминает их, почти дословно приводя отрывок из своего любимого «Описания Эллады» Павсания. Но простим молодому человеку эту вольность, ведь за ней стояла не корысть, а исключительно польза дела.

Заинтригованный находкой, дипломат принимает решение об её приобретении. Людовик XVIII – страстный почитатель всевозможных искусств, постоянно пополняющий свою коллекцию в Лувре, и таким подарком легко ему угодить. Миссия по обретению артефакта возлагается на секретаря французского посольства виконта Марцеллюса, в распоряжение которого предоставляется шхуна «Л» Эстафетт».

Вот только отправиться на Милос незамедлительно судно не имело чисто технической возможности – на нем велись ремонтные работы. На остров Марцеллюс прибыл только 23 мая. Эта задержка едва не стала роковой. За это время на острове начала складываться завязка другой истории, и если бы ей суждено было состояться, то неизвестно, как бы повернулась дальнейшая судьба Богини.

Примерно в то же самое время, что и Дюрвиль, поиски древних артефактов вёл ещё один француз, тоже военно-морской офицер, 23-летний гардемарин Оливье Вутье с фрегата «Амазонка». Вот его сферой интересов была исключительно, как бы сегодня сказали, «чёрная» археология. Правда, ему не особо везло, с двумя матросами он сумел откопать лишь несколько фрагментов мраморных скульптур, среди них была и женская рука с яблоком. За всё это нельзя было выручить и сотни франков. Досада только возросла, когда Вутье узнал о нега-

данной находке местного крестьянина, участок которого (это же надо!) находился в каких-то трехстах ярдах от того места, где рылся он со своими помощниками. Побывав у Кентротасов, француз сумел оценить, какой подарок им (конечно же, незаслуженно!) преподнесла судьба. И оценили его они соответствующе: пять тысяч франков. Такая цена простого гардемарина привела в отчаяние.

Впрочем, печали тот предавался недолго. Сметливый и склонный к авантюрам малый увидел свой путь в этом деле, иной, чем тот, которым пошёл бескорыстный Дюрвиль. Что за прок наводить на статую консула или даже самого посла? Надо было попытаться самому извлечь из ситуации максимальную выгоду. И тут молодому французу все методы казались хороши. Во-первых, он везде стал говорить, что он сам лично присутствовал на участке Кентротасов, когда под их ногами обвалилась античная крипта, более того – он сам и обнаружил в ней статую, крестьяне же лишь оказали помощь при извлечении её на свет. Тем самым давая понять, кто на самом деле имеет права на находку. В качестве доказательства этих прав Оливье продемонстрировал обломок мраморной руки с яблоком, утверждая, что это часть скульптуры.

Однажды он даже явился к Йоргусу и попытался заявить свои права. На его счастье, тогда рядом находились соседи и просто зеваки, пришедшие взглянуть на находку, о которой только и разговоров было в округе. Нашлось кому оттащить крестьянина от чужестранца, не помогли бы ему ни офицерские погоны, ни священник, привлечённый, видимо, в качестве свидетеля. Когда до Йоргуса, не просыхающего от раки уже несколько дней, дошёл смысл того, что ему лопочет иностранный моряк, он выхватил у того из рук мраморную культю и кинулся с ней на посмевшегося встать между ним и маслобойней. На словах мужик довольно живописно изложил, куда собирается засунуть каменную руку этому лягушатнику, хотя воплотить задуманное ему и не дали.

Наблюдавшего эту картину священника звали Ойкономос Верги, он был настоятелем церкви святой Троицы в городке Адамас, расположенном всего лишь в нескольких километрах от Кастро. Священнослужитель поначалу не придавал значения той шумихе, что образовалась вокруг статуи, найденной одним из прихожан. Но потом до него дошли слухи о письме в Смирну консула Бреста, потом появился Вутье с предложением засвидетельствовать его право на статую. Так что в Кастро Верги согласился отправиться больше из любопытства, чем польстился на обещание французца поделиться барышами в случае удачного исхода дела. При виде статуи у священника появились свои планы на её счёт. Правда, в них уже не было места Оливье Вутье, но тут ничего не попишешь. Как гласит греческая пословица, одни выращивают виноградник, а упиваются вином другие.

Дело было в том, что недавно Николаки Мурузи, в ведении которого фактически находилось управление всеми греческими островами, дал понять, что Верги теперь у него не в чести. Побывав незадолго до Рождества на Милосе, чиновник из Константинополя не заглянул в Адамас, хотя прежде обязательно делал это, и не только по роду службы, каждый раз получая в подарок что-нибудь в свою коллекцию монет. Ойкономос догадывался, почему впал в немилость. Зная, что Мурузи заядлый нумизмат, священник скупал у местных жителей древние монеты, то и дело попадавшиеся им во время земляных работ. Прошлой весной один из крестьян, копая фундамент под пристрой к дому, наткнулся на небольшую амфору, полную серебряных монет. В основном это были редчайшие серебряные декадрахмы из Сиракуз, относящиеся к пятому веку до рождества Христова. Он явственно помнил, как выглядели эти треклятые монеты: их аверс украшала колесница, над которой парила богиня победы Ника, а ниже бежал лев, реверс – голова правителя Арефуса с оливковым венком, а вокруг неё плывущие по часовой стрелке четыре дельфина.

Свою находку прихожанин пожертвовал храму святой Троицы. Всё бы могло обернуться наилучшим образом: что-то можно было оставить себе, что-то переслать в Константинополь на патриарший двор, но, как на грех, в это время в приходе находился представитель патри-

архата митрополит Прокопий, совершающий инспекционную поездку. Все до единой монеты исчезли тогда в его багаже. О том, чтобы оставить хоть что-то, иерарх и слушать не пожелал («Куда они тебе тут?!»), но обещал помочь с деньгами на ремонт купола, о чём до сих пор ни слуху, ни духу. А вот слух о кладе до Мурузи, очевидно, дошёл. Спустя месяц после этого случая в Адамас навёдывался помощник чиновника, заглядывал и в храм Троицы, но ничего, кроме поклона и нескольких не особо ценных монет, его настоятель не передал. А позже Мурузи уже сам не заехал, значит, затаил обиду на то, что его обделили, проигнорировали. Да будь воля Верги, он бы не поскупился, отсыпал бы с полдюжины этих декадрахм на мзду. Теперь жди какой-нибудь каверзы от всемогущего столичного чиновника.

Об этом волей-неволей приходилось думать. Оттоманская власть налагала немалые поборы за право исповедовать христианство, выражалось это в сдаче приходам храмов в аренду, монастыри же и вовсе отдавались на откуп. Если опасения милосского священника окажутся верны, то следует ждать увеличения арендной, и без того немалой, платы за пользование храмом. Тогда на него и вовсе можно будет повесить замок. Сейчас прихожане с трудом, но платят налагаемую мзду, но она может оказаться непосильной. Церковь закроют, и куда тогда будет податься Верги? С вакансиями в греческих приходах было совсем худо. Подношение же Мурузи античной скульптуры могло поправить дело.

Своими опасениями по поводу увеличения аренды священник поделился со старейшинами прихода, и уже сообщая они принялись уговаривать Кентротаса расстаться с находкой. Куда было деваться крестьянину? С одной стороны подступал поп, с другой старейшины, за которыми, считай, вся община, а там ещё чего доброго и турки насыдут, тогда вообще придётся молить Бога, чтобы беду отвёл, а не то, что богатства дал. Сошлись на цене в десять раз меньше той, что обещали привезти французы – ударили по рукам на пятистах франках. В голове у Йоргуса вновь поселился сверчок. Цв-и-и-к, цв-и-и-к.

У Верги же в душе не смолкая зазвучал хор, исполнявший на три голоса Agni-Partene – греческий православный гимн Пресвятой Богородице. За помощью доставить подарок в столицу он обратился к турецкому наместнику Милоса и прилегающих островов Сеид-паше. Тот тоже был не прочь угодить Мурузи, а потому немедленно дал распоряжение капитану находившейся в его распоряжении шхуны готовиться к отплытию в Константинополь и выделить матросов для доставки статуи на борт. От такой сделки, похоже, выигрывали все, кроме Йоргуса и французов, включая и несшегося на всех парусах к Милосу виконта Марцеллюса и попавшего в очередной раз впросак Оливье Вутье.

Всё шло таким ходом, пока ветер, дующий в паруса удачи милосского священнослужителя, не стих в тот момент, когда до гавани благополучия оставалось рукой подать. Существует опять же много версий того, как статуя оказалась на борту «Л» Эстафетт», и все они, по крайней мере, героические. Так, по одной – экспедиция французов опоздала, и им пришлось устраивать погоню за турецкой фелюгой, увозившей Богиню. Отважные французские моряки взяли турецкое судно на abordаж и в рукопашной отбили сначала верхнюю часть статуи, а уже затем турки под страхом смерти сами выдали им нижнюю. По другой – Марцеллюс с компанией появились в тот момент, когда статуя находилась на берегу и готовилась к погрузке на турецкое судно. Два десятка матросов под командованием секретаря посольства бросились освобождать статую. Завязался самый настоящий бой, микро-мировая война, победителями из которой вышли европейцы.

Не находите, что всё это звучит, словно цитаты из представления виконта к награде. Не исключено, что так оно и есть. Но все вариации роднит одно обстоятельство – руки статуи во время схватки были отбиты и то ли улетели за борт, то ли их «втоптали в грязь». Откуда грязь на каменистом южном острове?! Бедная Богиня! Если верить этим байкам, то получается, что едва ли не само каменное изваяние ожило и отбивалось от ненавистных османов, отстаивая своё право на жизнь в Лувре, а не в серале султана. Правда, почему-то никто не обра-

щает внимания на слова в докладе Марцеллюса, где, описывается «битва» на берегу, он указывает, что груз был упакован. Если так, то каким же образом он мог быть изувечен? Да просто никому до самой истины нет дела.

Никакой французско-турецкой битвы при Кастро не было. Ну, может, съездили кому несколько раз по физиономии, выбили с полдюжины зубов да своротили пару носов. Так в любой марсельской таверне за один рядовой вечер подобных трофеев насчитать и поболее можно. Тоже мне событие! Главным в этом деле были деньги и умение Марцеллюса вести переговоры. Он же дипломат. Такому при силовой поддержке, которую достаточно было лишь обозначить, и надлежащих финансовых ресурсах разобраться с жуликоватым турецким мелким чинушей, игравшим на данном этапе главную роль, не составило труда. За мзду тот согласился уступить грубой силе, Верги получил обратно свои деньги, а Кентротас – заветные пять тысяч франков, с потерей которых уже успел смириться.

– Все довольны, все смеются?

– Дорогой Георгий Петрович, как вы потом убедитесь, во всём, что связано с Богиней, на самом деле не так уж и много весёлого. Вот и тогда, когда Марцеллюсу казалось, что дело сделано и впереди ждёт лишь недолгое и триумфальное возвращение в Константинополь, выясняется обстоятельство, готовое свести на нет все усилия молодого дипломата.

Пожелав рассмотреть скульптуру, из-за которой вышел весь сыр-бор, он приказывает её распаковать и замирает в изумлении – рук нет! Как же так? Он сам был свидетелем того, как на приёме у посла Дюмон-Дюрвиль, описывая статую, говорил, что одной рукой она придерживала одежду, ниспадавшую на пол широкими складками, другой, слегка поднятой и изогнутой, держала яблоко. А тут рук нет, да ещё кончик носа отколот! Как он представит эту уродину своему шефу, маркизу де Ривьер? Посылали-то его за шедевром. Впрочем, Марцеллюс оказался сметливым малым, способным обернуть в свою пользу любые обстоятельства при минимальном на это шансе. В данном случае шанс предоставил Вутье Оливье, явившийся на «Л» Эстафетт» с обломком мраморной руки и утверждавший, что это часть приобретённой соотечественником статуи, найденной, между тем, им – Оливье, но волею судеб оказавшейся в других руках. Для виконта россказни гардемарина были подарком свыше. Главное – имела рука с яблоком, подпадающая под описание лейтенанта. Дипломат выкладывает требуемые находчивым гардемаринном три сотни франков. Теперь было что предъявить послу. В том числе и в качестве доказательства тут же сочинённой истории о ратной доблести верного слуги отечества. В такое развитие событий французы поверят даже скорее, чем в банальное «приехал – забрал – привёз». Недаром заурядный, по сути, вояж одного гасконца в Лондон за дюжиной подвесок лег в основу увлекательнейшего приключенческого романа, написанного другим французом четверть века спустя.

Всё оборачивалось к лучшему. В том числе и для Дюмон-Дюрвиля. Его объяснения того, почему богиня оказалась безрукой, были бы наверняка скучнее и банальнее версии Марцеллюса. Как я уже говорил, дело, скорее всего, в том, что молодой археолог-любитель, очарованный древнегреческим искусством, выдал желаемое за действительное. При виде статуи у него в голове сразу родился облик Венеры – отсюда и пошло название, к которому позже добавился топоним. Спустя годы он писал в своих мемуарах, которые так и не успел опубликовать: «Всё указывало на то, это Венера во время суда Париса...». То есть увиденное он тут же отождествил с мифом о том, как Гера, Афина и Афродита (в римском пантеоне – Юнона, Минерва и Венера) устроили первый на свете конкурс красоты, а в судьи выбрали пастуха Париса.

Выбор, как известно, не был беспристрастным, каждая сулила бедняге в случае правильного выбора всевозможные блага. Предложение Афродиты, пообещавшей пастушку Елену Троянскую, оказалось самым заманчивым, и Парис вручил яблоко ей. В данном случае Дюмон-Дюрвиль тоже, пусть и подспудно, искал выгоды и обрёл-таки её в свой черёд. Но тогда, на докладе у посла Франции маркиза де Ривьер им правила какая-то безоглядная юношеская

черта выдавать желаемое за действительное, уповая, что всё как-то само собой и непременно образуется. А то, что с конечностями не комплект, так это пустяки. Вон вездесущий Оливье нашёл же где-то обломанную мраморную руку, держащую плод... Сыщутся и другие. Надо лишь привлечь внимание к находке на Милосе богатых и главное – влиятельных людей, а там уж всё как-нибудь и непременно... И ведь образовалось! Фантазии и кривды разных людей сложились вполне гладко в одну весьма похожую на правду историю.

В сущности, тогда во лжи Дюмона-Дюрвиля и уличить было нельзя. Никто ведь не спрашивал: «А правду ли вы тут нам говорите или это всего лишь ваша версия?». Если бы такой вопрос последовал, то, наверняка, офицер сознался бы, что выдал желаемое за действительное. Но вопросов не было. Когда же Марцеллюс внёс свой вклад в эту историю, то Жюль словно сам уверовал в то, о чём говорил. Хотя и тогда оставлял себе место для манёвра. Так, через год на заседании французской Академии, докладывая об обстоятельствах находки, он говорил: «Статуя изображала обнажённую женщину, которая в левой поднятой руке держала яблоко, а правой придерживала красиво драпированный пояс, небрежно ниспадавший от бедер до ног». При этом тут же добавлял: «В остальном и та, и другая рука повреждены и в настоящее время отняты от туловища». Но что подразумевал докладчик под «настоящим временем» – тот момент, когда впервые увидел Венеру или когда уже докладывал академикам? Никто опять не задал этого, казалось бы, очевидного вопроса.

На тот момент первоначальное наличие рук уже принято за очевидный факт. Сам маркиз де Ривьер отправляется на Милос, чтобы увидеть место находки, может быть, даже в тайне мечтая лично обнаружить отбитые руки. После его отъезда, в ноябре, консул Брест писал: «Его превосходительство приказал мне заняться поисками рук и других обломков статуи... Есть основания надеяться, что в той же самой нише, где ее нашли, можно разыскать и другие предметы».

Да что там какой-то заезжий маркиз? Даже сын Йоргуса Кентротаса Теодорас в середине века, когда его спрашивали о событиях тридцатилетней давности, вспоминал о руке с яблоком, а отнюдь не о первом впечатлении от облика безрукой Богини, явившейся в слабом свете фонаря, когда он раскачивался на веревке в тёмной крипте. Так уж устроена человеческая память, она охотней хранит заученные истины. Вот и милоссец вызубрил, как «Отче наш», наказ француза, отвалившего им уйму денег, о том, что всем, кто будет интересоваться, в каком виде они нашли статую, отвечать – с руками: одной ловила одежду, другой держала яблоко. Со временем, правда, в памяти осталось только яблоко, очевидно, ещё и из-за того обломка каменной руки, которую отец грозился запихать в задницу какому-то моряку. Вот это было весело!

Так или иначе, лишь 1 марта 1821 года посол отправляет статую в Париж Людовику XVIII, приложив всё, что отыскалось на Милосе и могло рассматриваться в качестве фрагментов самого изваяния или возможной композиции. Король передаёт подарок из Константинополя в Лувр. Здесь у скульптуры начинается поистине новая жизнь. Для начала провели тщательнейшее исследование. Тогда же, кроме редкого сорта мрамора, выяснилось, что прежде статую красили и крепили на неё золотые украшения: как минимум – это браслет на правом плече, кольца в ушах и диадема в волосах.

Можно сказать, изваянию с греческого островка уделяют внимание, как венценосной особе, восседающей на троне супер-державы. Впрочем, среди скульптур она поистине царица. А таковой не положено быть с изъяном. Решено было реставрировать скульптуру, эти работы доверили скульптору Ланже. Первым делом он восстановил форму носа. Затем тщательно изучил все обломки, что прибыли вместе со статуей, но ни по структуре мрамора, ни по форме ни один из них не мог иметь к ней отношения. Когда же он в 1822 году приделал ей руки согласно описанию Дюмона-Дюрвиля, то в художественных и академических кругах разгорелась бурная полемика по поводу истинности воплощения. Так, секретарь Академии художеств Катрмер де

Кинси, тот самый, что ввёл в обиход производное от топонима слово «Милосская», считал, что Венера прежде изображалась вместе с богом войны Марсом и опиралась рукой с яблоком на его плечо. Были и другие толкования. Так что в итоге отказались от какой-либо реставрации, и Богиня предстала посетителям Лувра в том виде, в котором её и нашли Кентротасы, но лишь с подправленным носом. Кстати, любители пофантазировать на тему отбитых рук не перевелись и после того, как ещё в конце XIX века французский археолог, исследователь античности Соломон Рейнак доказал, что состояние патины на повреждённых участках свидетельствует о том, что конечности отделены были как минимум за несколько веков до этого.

Да вот ещё что. В наше время уже как непреложный факт признаётся то, что автор шедевра – некий Александр или Агесандр, это, мол, установлено из авторской подписи на цоколе, и что неясность нескольких букв не позволяет назвать его имя с определённой точностью. На самом же деле мы располагаем сведениями, что имя своей возлюбленной гетеры Алексы, чьё полное имя – Александра, приказал выбить на постаменте наместник императора Негод, когда преподнёс ей в подарок эту статую.

Что касается мнений относительно того, что же Богиня могла держать в руках, то они множатся до сих пор. Не так давно высказали идею, что Богиня сучила пряжу. Мол, натурщицей скульптору могла служить гетера, а жрицы любви в ожидании клиентов занимались ткачеством. Гетеры, скорее всего, и к созданию, и, уж точно, к дальнейшей истории Богини имеют непосредственное отношение, но всучить ей в руки веретено... Надо же было додуматься до такого! Мало того – создать 3D-копию с веретеном и пряжей?! Они бы ещё весло ей в руки приладили!

Знаете, если уж говорить о легендах, то мне больше по душе та, что весьма распространена на островах Эгейского моря. Она гласит следующее. Известнейший скульптор долго искал натурщицу для задуманной им статуи. Он объехал многие земли, пока на острове Милос не встретил чудесную девушку, чья необыкновенная красота была под стать грации. Надо ли удивляться тому, что вскоре мастер влюбился без памяти в свою музу. Чувства оказались взаимными, что лишь ещё больше вдохновляло кудесника резца, вело его руку при создании облика богини. И вот когда творение было практически готово – оставалось вырезать руки, страсть в очередной раз кинула влюблённых в объятия друг друга. Девушка с такой силой стиснула возлюбленного, что он задохнулся. Скульптура так и осталась без рук, не нашлось мастеров, способных завершить шедевр.

– Немного странный выбор с учётом заявленного вами курса на правдоподобие, – решил я прервать затянувшийся монолог микробиолога-мифотворца.

– Я сказал, что эта легенда мне по душе. И дело тут даже не в её красоте. Богиня на самом деле таит в себе опасность, во всяком случае, для тех, кто влияет на её судьбу. Возьмём Жюля Дюмон-Дюрвиля.

Жюль Дюмон-Дюрвиль вписал своё имя не только в историю, но и на карту мира

После истории с Венерой Милосской дела у него пошли в гору: он получает чин капитан-лейтенанта и, благодаря покровительству влиятельных особ, организует первое кругосветное плавание, во время которого открывает немало островов. Один из них назовут его именем. Вторая кругосветка, кроме географических открытий, приносит ему славу человека, установившего место гибели известного французского мореплавателя Лаперуза, сгинувшего вместе со своими судами в Океании. Потом следует экспедиция в Антарктиду, уже открытую русскими мореплавателями Беллинсгаузеном и Лазаревым в 1820 году, но хранящую ещё много белых пятен. Так на картах ледового материка появляется Земля Адели, названная Жюлем в честь своей жены, позже море, подмывающее льды этой земли, стали именовать морем Дюрвиля.

Издаются книги, следуют чины... Карьера, заложенная участием в обретении Францией Венеры Милосской, складывается как нельзя лучше. Всё так, пока в один момент не обрывается трагически. В 1842 году контр-адмирал попадает в железнодорожную катастрофу во время поездки в Версаль. Под горящими обломками вагонов гибнут десятки людей, среди них известный мореплаватель с женой и сыном. Другие дети – сын и дочь – умерли в раннем возрасте. Весь род Дюмон-Дюрвилей упокоился на кладбище Монпарнас. Венера Милосская могла быть благодарна Жюлю, но отмстила за нарушение своего покоя.

– А что же со свечным заводиком? Никак сгорел вместе с хозяином?

– Pardon, что за заводик...? Ах, опять вы со своими штучками! Это, вроде, отец Фёдор из «12 стульев» им бредил? Тут вы почти угадали. Конец Йоргуса Кентротаса тоже оказался печален, хотя имя его и вошло в историю. Только это ведь редко кого делает счастливыми. Полученными от Марцеллюса деньгами ему так и не удалось распорядиться, как мечталось. Пятую часть суммы – тысячу франков – пришлось отсчитать турецкому наместнику Саид-паше. Он был практически хозяином острова и в случае отказа поделить барышом имел возможность превратить жизнь Кентротасов в кошмар. Да и с учётом того, что крестьянин собирался открыть маслостройню, хорошие отношения с властью были просто необходимы. Оставшихся денег всё-таки хватало на оборудование, пусть и не самое передовое. Приобрести его

можно было только на материке, и летом того же 1820 года Йоргус с сыном и племянником отправились за покупкой в Афины.

Только на этот раз счастливую троицу, наткнувшуюся весной на статую, ждало фиаско. Корабль, на котором они плыли в Пирей, атаковали повстанцы. Борцы за независимость Греции, под предлогом экспроприации средств на организацию революции, вывернули карманы у всех пассажиров и команды, опустошили и судовую кассу. Мольбы Йоргуса не трогать нажитого непосильным трудом не тронули налётчиков. Да и в самом деле, откуда у простого крестьянина могли взяться четыре тысячи фраков?! Вернувшийся домой ни с чем, Йоргус уже не смог оправиться от такого удара судьбы. Запил. Рака же такой напиток, что быстро превращает печень в разложившийся кусок плоти. Через год всё тело несостоявшегося владельца маслостанции стало гнить на местном кладбище. Говорят, Верги отказался его отпевать. В это же время в стране началась освободительная борьба, завершившаяся через девять лет независимостью Греции. Так что, если Кентротаса и в самом деле ограбили повстанцы, то его вклад в освобождение своей Родины от турок был весьма весомым.

– Да, печально. А что с остальными?

– Судя по тому, что с ними ничего трагического не случилось, их роль в этом деле не столь значительна. Даже деляги Марцеллюса. Его вело, очевидно, уже другое провидение. Тем же, кто дал ему отправную точку, не поздоровилось. В данном случае судьба, как лакмусовая бумажка, взглянешь – и сразу понятно, при делах человек или нет. Взять того же Оливье Вутье, пытавшегося присвоить себе находку Богини. Он умер в восьмидесятилетнем возрасте в Провансе, похоронен в парке собственной виллы Castel Sainte-Claire. Хотя память по себе оставил довольно внушительную, так как написал несколько книг. Другое дело, каких.

Этот малый, надо отдать ему должное, оказался весьма и весьма деятельным. Как только в Греции началась революционная заваруха, он выходит в отставку из французского флота и вливается в ряды повстанцев. За два года Вутье не снискал большой славы – командовал артиллерией одного из отрядов, состоящей из двух-трёх пушек. Но в своих мемуарах, изданных по возвращении во Францию в 1823 году, предстаёт активным участником всех значимых сражений той кампании. Их правдивость иллюстрирует весьма показательный факт. Один из руководителей повстанцев Александр Маврокордато, наслышанный о популярности мемуаров французского соратника, попросил автора прислать ему экземпляр. В полученной им книге не оказалось многих страниц. Это дало основание греку сказать, что в оставшихся страницах, должно быть, не меньше лжи, чем в вырванных. Так что Оливье всегда был верен себе.

– ...Кстати, – вдруг спросил мой новый знакомый, – истории о злом роке не наводят вас ни на какие аналогии из вашей жизни или жизни ваших друзей? Признаться, гибель человека, нашедшего в ваших краях клад древнего оружия, меня озадачила. Мало того, навела на ряд до недавнего времени казавшихся уж совсем нереальными выводов. Но для откровений я пока не созрел.

– Об аналогиях, – чуть помолчав, ответил я, – так сразу и не скажешь. А они действительно могут быть?

– Эх-хе-хе... – разочарованно протянул столичный профессор, видимо, ожидавший от меня другой реакции. – Могут, могут... и при том самые прямые.

– Тут есть над чем подумать. Пока лишь скажу, что меня в вашем, как всегда, весьма познавательном рассказе, упорядочившим мои знания в этом вопросе, зацепила одна деталь, к которой я бы хотел апеллировать.

– Вот как? Интересно! – Лев Николаевич, только что выглядевший уставшим от неудачи вывести меня на откровенный разговор, вновь оживился. – Сделайте милость.

– Перечисляя современные версии того, что могла бы держать в руках Венера Милосская, вы в несколько, как мне показалось, уничижительном тоне упомянули весло. Надо полагать,

что имели при этом в виду тип парковых скульптур «Девушка с веслом», ставших своего рода притчей во языцех?

– Ну, допустим...

– Я так и понял. Скажу вам откровенно, что когда я стал проявлять интерес к теме Венеры Милосской (что теперь уже не является секретом), подобная аналогия и мне приходила на ум. Только я от неё не отмахнулся и выяснил, что не такая уж она и абстрактная. Дело в том, что у по сути безликого символа «бетонно-гипсового соцреализма» был весьма достойный оригинал. Первую «Девушку с веслом» изваял скульптор Иван Дмитриевич Шадр. Половина 1934 года у него ушла на выполнение заказа Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве. И вот в 1935 году скульптуру, изображающую обнажённую девушку во весь рост с веслом в правой руке, установили в центре фонтана на центральной магистрали главного парка страны. Творение к тому времени уже зрелому мастеру удалось: форма головы девушки была чётко обрисована, волосы очень туго натянуты и закручены в два «рожка», лоб и затылок полностью открыты, сама гипсовая фигура, высотой вместе с бронзовым постаментом около двенадцати метров, казалась весьма натуралистичной. От того и подверглась критике, как «излишне чувственная», «откровенно вульгарная», «чуждая советской общности».

– Действительно, возникают параллели с Афродитой Книдской Праксителя и его музой – гетерой Фриной, – подал реплику Лев Николаевич.

– Да, но будут и вертикали. Так вот, несоответствующую моральному облику скульптуру, слава Богу, не уничтожили, что по тем временам было делом обычным, а через год отправили подальше от столицы – в Ворошиловград, позже ставший Луганском. Там-то она и погибла во время войны. Сейчас её уменьшенная бронзовая копия есть в Третьяковской галерее, а где-то в Питере стоит гипсовая. Коротко скажу лишь, что спустя немного времени после ссылки статуи на Украину Шадр создаёт другой – более целомудренный – вариант, но и он забраковывается радетелями советской морали. Только скульптура другого автора – Ромуальда Иодко на эту тему, где физкультурницу нарядили в плавки и футболку, послужит моделью для тиражирования.

Тут, как мне кажется, внимания заслуживают два обстоятельства. Первое – есть большая вероятность того, что Иван Шадр – по паспорту Иван Иванов, взявший псевдоним от родного города Шадринска, – создавал «Девушку с веслом» под впечатлением от Венеры Милосской. Это легко угадывается в формах. Что и не удивительно. Ведь в 1910 году Шадринская дума, по ходатайству столичных художников Ильи Репина, Николая Рериха и других, выделяет земляку средства для обучения в Париже. Уральский парень учится в академии Гранд Шомьер, бывшей в первой трети XX столетия самой известной и популярной из всех парижских художественных школ. Среди его учителей сам Огюст Роден. Уральский самородок имеет возможность копировать произведения, собранные в музеях французской столицы. Венера Милосская, конечно, первая среди них. И вот спустя четверть века Шадр наконец-то решается создать что-то подобное. Сын и внук богомазов, незатейливых церковных художников из народа, готов был воплотить то, о чём его родители и дед, возможно, и помышляли, но никогда бы не смогли сотворить, в силу даже не другого уровня таланта, а слабой школы. Правда, судьба творения Ивана Иванова оказалась ещё более трагичной, чем у его прототипа.

Это же можно сказать и о модели. Натурщицей для скульптуры стала семнадцатилетняя Вера Волошина. Без всякой иронии типичный образ успешной девушки тех лет: сибирячка, студентка Центрального института физкультуры в Москве. Параллельно с учёбой и занятиями спортом она посещала аэроклуб, прыгала с парашютом и даже освоила пилотирование истребителя И-153 «Чайка». И, вместе с тем, была абсолютно целомудренна. Настолько, что даже наедине с художником не соглашалась остаться, поставив условие, чтобы при позировании в мастерской обязательно присутствовала его жена.

А ведь была не робкого десятка. В то время, когда «Девушку с веслом» вывозят из столицы, она подаёт заявление с просьбой направить её для участия в гражданской войне в Испании, в чём ей было отказано. Во время Великой Отечественной войны девушка стала разведчицей, несколько раз успешно выполняла задачи в тылу врага. Вера служила в одном подразделении с Зоей Космодемьянской – в диверсионно-разведывательной группе штаба Западного фронта, обе погибли примерно в те же дни при схожих обстоятельствах. Только имя Веры, в отличие от Зои, являющейся символом борьбы нашего народа, так никогда и не стало широко известным, даже когда в 1994 году ей посмертно присвоили звание Героя Российской Федерации.

Помните, как раньше, в советское время, принято было говорить: «Два мира – две политики». Времена ушли, а лозунги не потеряли своей актуальности. Я, Лев Николаевич, как любят сейчас выражаться либералы, абсолютный «ватник». И это даже не фигура речи – я в детстве и юности не одну фуфайку истаскал. Так вот, для меня «Девушка с веслом» Шадра намного привлекательней и ближе Венеры Милосской. Хотя в силу того, что обе, так сказать, одной природы, и Богиня, как вы её называете, определённо симпатична. Чего не могу сказать о её прообразе.

Шлюха, она и есть шлюха, в какие бы одежды не рядилась, кому бы не подставляла и какой бы расчёт за это не имела. И народ, у которого такие Богини, обречён, что и показала история. Наши же – не мандой в тылу торговали, а воевали наравне с мужиками, и смерть мученическую за Родину принимали. Вот оттого наш народ и смог выстоять и победить в той войне, победит, выстоит и в следующих. Правда, в какой-то момент мы отвернулись от своих мадонн, и сразу слабину дали. Сейчас, вроде, пришло осознание, в чём сила.

Видно, что вам не совсем по нраву то, что слышите, да ещё изложенное в стиле, где смешалась лексика митинга и солдатской курилки. Слова от этого, может быть, теряют в плане искренности, зато позволяют точно и недвусмысленно обозначить свою позицию. Тем не менее, в *нашей* – как вы настаиваете – истории действительно есть точки соприкосновения. Во всяком случае я рассматриваю Богиню не как слепок с проститутки, а как нечто совсем другого порядка, по многим причинам далеко ушедшее от прототипа.

– И на том спасибо!

– Не за что. Соглашусь, что наши интересы в этом деле могут совпадать, если только вам с побратимами, или как их там, по Ордену не вздумается водить меня за нос или использовать втёмную. Не стоит питать иллюзий и насчёт того, что удастся склонить к принятию ваших, не знаю уж, идейных или корпоративных, соображений, как своих. Как-то так.

Лев Николаевич не смог скрыть того, что озадачен услышанным, но воспарил духом при последних словах. Хотя то, что они оказались не за ним, ставило его в ситуацию форс-мажора и путало все карты. Кому хочешь будет не в губу расклад, когда на руках десятка, валет, дама, король, а вместо туза в прикупе приходит всякая разномастная шваль. И такой долгожданный и, казалось бы, очевидный флеш-рояль* оборачивается блефом. В покер я время от времени играл, не всё-то вам, господа, известно. Ой, не всё. Расставались суше, чем накануне. Условились о встрече через день.

И всё же последнее слово гость постарался оставить за собой.

– Вас, Георгий Петрович, как звали друзья в юности: Гога или Жора? Впрочем, это не суть. Ваше имя имеет очень много разновидностей Йоргус. Да, да... Как того самого Кентротаса. В этой истории вообще мало случайностей. Уж поверьте.

**Флеш-рояль – в покере самая сильная и весьма редко встречающаяся комбинация карт, состоящая из туза, короля, дамы, валета и десятки одной масти.*

Молочный горн

– Молока бы горячего с мёдом тебе сейчас попить или вина с пряностями... – Петро, как его называли родители, тревожно прислушиваясь к кашлю Чекура, стал вслух вспоминать способы лечения простуды, но потом обречённо махнул рукой и с досадой сплюнул за борт в прозрачную, до самого дна, реку.

Её вода пахла, как холодный клинок меча или наконечник стрелы, чьи запахи вливались легко, но не щекотали ноздрей, не будоражили воображения, а лишь оседали в горле сладковато-приторным привкусом. То ли дело горячая сталь! Её и вдохнуть-то полной грудью опасешься, как бы не обнесло голову: там к едкости кресала, которым только что развели костёр, наслаивается пьянящее испарение крови поверженного противника, пропитанное его страхом или восторгом смерти... И всё это будоражило и призывало к жизни. Хотя, с другой стороны, возводит на престол вождей и императоров горячее железо, рождает же их – холодное, оно даёт и перевести дух.

Сейчас Петро казалось, что нагретым металлом пахнет вода его родного Тибра в жаркие летние благодатные месяцы. И даже не только протекая по каналам бесчинствующего Рима, а там, где, вырвавшись из ущелий Апеннин к равнине Маремма, она из бурного горного потока превращается в полноводную реку, несущую свои воды в Тирренское море.

Петрио Вар уже почти забыл эти ощущения. Эх, если бы не амбиции его отца Азиния Вара... Патриций пожелал занять место магистра армии Аэция, фактически заправлявшего делами в Западной империи при императоре Валентиниане III. Амбиции... Родителя они привели на место казни у Эсквилинских ворот Рима. Глашатай во всеуслышание проорал зевкам приговор императора, утверждённый сенатом, обвиняющий патриция в государственной измене. Умолкнув, глашатай дал знак ликторам, один из них накрыл голову приговорённого куском материи, другой занёс над головой топор...

Петро не видел казни отца, но столько раз был очевидцем этих кровавых зрелищ, что легко мог себе представить, как всё происходило. Сам он в это время уже был на пути в Грецию. Остаться в столице, да и в стране было небезопасно, запросто – так, на всякий случай – могли отправить следом на отцом. Знание языков и образование без труда помогли Петрио, ставшему Петросом, найти место управляющего палаццо знатной гетеры, потом явились гунны... Оторвавшись от родной земли и покотившись по ухабам чужбины, римлянин уже не смог остановиться. Как перекасти-поле. Эти сухие шары-стебли, гонимые ветром по степи, они видели, когда перетаскивали струги волоком с Танаиса на Ра.

Конечно, Петро понимал, что может идеализировать своё прошлое, которым пришлось пожертвовать ради того, чтобы иметь будущее. А Тибр, скорее всего, покоит где-нибудь на дне родительские кости, ведь тела казнённых государственных преступников не погребали, а просто бросали в реку. Но сейчас Петро не хотелось думать об этом, он гнал эти мысли, как мошку. Так или иначе, Тибр рождал вполне конкретные воспоминания, а эта безымянная для них река – тревогу. Она истекала неизвестно откуда и вела в неизвестность, подтачивая понемногу в людях дух воинов, едва не покоривших Римскую империю. И только непоколебимая вера в их вождя, его прочную связь с духами и богами не позволяла унынию переродиться в сомнения. И видеть им недомогающего Чекура совсем ни к чему.

– Хотя вина ты не пьёшь и не держишь... А коров да пчёл разве в этих варварских землях сыщешь?! – закончил с отчаянием свою мысль латинянин и, уже вполголоса, чтобы слова не доносились до других, кто был с ними в струге, добавил. – Мало того, так ещё и к каменной бабе этой всё льнёшь, она остатки тепла из тебя забирает...

– Не ворчи, – оборвал его вождь, при этом тоже стараясь не повышать голоса. – Когда ты уже перестанешь говорить попусту, если не в силах ничего изменить. Если ещё не забыл, я

сам варвар и это мои родные земли... Наверное... Ну, если и не эти, то те, куда мы плывём. Вы поэтому и проиграли нам, что много и без надобности говорили да вино своё пили. И ещё не забывая, что я *горн* и сам знаю, как хворь свести, если на то будет воля Вальги.

– Вот как! Ты уже возвёл её в ранг божества?. Прежде одни язычники звали её Афродитой, другие Венерой, но в обоих случаях она покровительствовала красоте и любви. Не самые почитаемые в нашей компании вещи. О чём молить станут угры эту ...?

– Вальгу! Остальное в свой черёд узнаешь.

Вождь сделал паузу, давая понять, что тема исчерпана и не подлежит обсуждению. Он злился на себя за то, что не удержался и сказал Петро лишнего. С другой стороны, выходило, что, кроме иноземца и иноверца, прижившегося и даже ставшего своим в их войске, и не с кем было поделиться задуманным без опаски, что пойдут пересуды.

– А если ты, пёс, ещё раз назовёшь её бабой, – заговорив вновь, вождь уже не таился, и его слова стали слышны ближайшим гребцам даже за скрипом уключин, – то я прикажу Хомче отрезать твой поганый язык. Мне спокойней будет, а твой бог Иесу тебя и без этого услышит. Верно? Руки-то тебе Хомча оставит, чтобы смог креститься. Верно, Хомча?

Услышав своё имя, одноглазый гигант на время перестал грести, несколько мгновений выжидал, не последует ли более конкретного приказа, а, не услышав его, снова налёг на весло. Он явно сожалел, что не удалось развлечься, отрезав чего-нибудь этому латинянину. Правда, настроения своего не выдал: подмигнул и улыбнулся Петро, обнажив желтые, крупные, как у лошади, зубы. Но даже улыбка этого циклопообразного существа способна была нагнать икоту. Правда, за два года, что Петро находился в войске Чекура, он уже по привычке к виду главного его телохранителя и, тем не менее, невольно поёжился от такого проявления чувств. Спустя какое-то время, при смене гребцов, принимая из рук Хомчи лоснящуюся горячую рукоять весла, ещё раз встретился с его взглядом, и тот ещё раз подмигнул ему, но уже не как ускользнувшей жертве, а как равному. Впрочем, никаких иллюзий по этому поводу Петро давно не питал. Не верь, не бойся, не проси – таким было главное негласное правило, которое позволяло жить достойно среди этих людей. Только поступки определяли их истинную сущность, расставляя по ступеням своеобразной иерархии, на пике которой незыблемой глыбой высился Чекур.

Вождь, отвязавшись от назойливой заботы бывшего римлянина, натянул до носа покрывало из соболиных шкур и постарался задремать. Но если блохи перестали одолевать – ценность этого меха заключалась не только и даже не столько в красоте и мягкости ворса, а в том, что его не выносили паразиты, то от мыслей так просто было не укрыться и не отгородиться. Правда, приняв решение идти выше по неизведанной реке, он словно отрубил все сомнения, и они его больше не терзали. Однако это было сродни тому, как он сумел отогнать волков от своего стада, но перед мошкой – мыслями о повседневных делах, роящимися в голове – чувствовал своё бессилие.

Каждый свой шаг, каждое своё действие необходимо было контролировать и вместе с тем постоянно чувствовать, как и чем дышит его племя. Теперь уже Чекур не сомневался в том, что Сельвуна – так реку называет местный народ, а себя – *сельвинами* – не приведёт их в родные края. Так что придётся не только зимовать на её берегах, но и обосноваться на них. Осталось лишь выбрать подходящее городище и разыграть действо явления и уграм и сельвинам новой богини Вальги. Она станет символом не только новой веры, но и мощной, доселе не виданной в этих краях общности людей, подчинённых одному Божеству и одному человеку.

Именно поэтому нельзя было давать своим воинам почувствовать равнодушие к происходящему, что без боевых стычек сделать весьма непросто. Вот и сейчас вместо того, чтобы просто отмахнуться от Петро с его врачеванием, он столкнул его с Хомчей. Можно было не сомневаться, что те в свою очередь момент напряжённости передадут ещё кому-то.

Молока бы он сейчас действительно выпил. Тут латинянин прав – согретое, да ещё с мёдом, оно определённо пошло бы на пользу. При мыслях о молоке Чекур потеплел душой, приятные воспоминания стали проникать через лёгкую зыбь одолевающей его дремоты. Ещё бы им не греть душ, ведь сам великий Аттила нарёк его Молочным горном.

Было это в начале похода гуннов на Фракию и Иллирию, во время которого они разрушили немало городов и крепостей, дошли до знаменитых Фермопил и приблизились к окрестностям Константинополя. За пять лет до этого, после смерти не имевшего своего потомства гуннского кагана Ругиллы, власть над гуннами перешла к его племянникам Аттиле и Бледу – сыновьям его родного брата Мундзука, получившего смертельную рану, когда его отпрыски ещё и тетивы натянуть толком не могли. Младший из братьев – Аттила сразу же, как пришёл к власти, стал жить мыслью о великом походе на побережье тёплых морей. Его не останавливало то, что эти богатейшие земли принадлежали Византийской и Римской империям, которые, к тому же не без успеха, уже терзали готы, чуть раньше гуннов явившиеся в благодатные края. Наоборот, это лишь раззадоривало Аттилу, считавшего себя рожденным лишь для того, чтобы проводить жизнь в походах и войнах, что давало возможность грабить, подчинять, облагать данью другие, не способные противостоять его силе народы.

Но воплощению этих замыслов мешал старший брат Бледа. Соправитель состояние войны рассматривал лишь как вынужденную меру по сдерживанию чужой агрессии. Сам же мечтал о мирной жизни для гуннов, о создании на контролируемой ими территории, от Кавказа до Рейна, от датских островов до правого берега Дуная, процветающего, сильного государства, чьё благоденствие зиждилось бы не на трофеях от кровавых походов, а на хозяйственной деятельности народа. Аттиле был ведом только один путь убеждения, отказаться от которого не могла заставить даже родная кровь. Ходили слухи о том, что и к скоропостижной малообъяснимой смерти дяди решительный, не желающий ждать своего часа племянник тоже имел отношение. Бледа скоропостижно скончался. После убийства брата Аттила стал единоличным правителем гуннов, и теперь уже никто и ничто не могло помешать свершению великих планов. На подготовку войска к нашествию ушло два года.

После устранения Бледа и его ближайшего окружения возвысились вожди, находящиеся до того на вторых и даже третьих ролях. Чекура можно было отнести к последним. Главенство над одним из племён угров перешло ему по наследству от отца Савала, посчитавшего благо разумным влиться в полчища гуннов, когда те решили выдвинуться из Приуралья в сторону земель, застроенных большими городами, которые населяли богатые и беспечные люди. Было это ещё при Мундзуке. Оба вождя уже пребывали в преисподней, пришла пора верховодить сыновьям.

Во время двоевластия братьев Чекур держался в тени других вождей. Не высовывался со своими предложениями – а их всегда было немало, не стремился встать во главе объединенного с другими племенами отряда. Хотя, несомненно, мог рассчитывать на верховенство. Кроме ума и отваги, он обладал ещё и способностями, владельцев которых у разных народов называли по-своему: колдунами, магами, друидами, знахарями, волхвами, шаманами... Среди же разношерстного воинства гуннов, состоящего из остготов, треков, герулов, гепидов, болгар, угров, акациров, турклингов и прочих, таких было принято величать *горнами*. Как считали многие, именно то, что Чекур мог ведать будущее, позволило ему до поры до времени отсиживаться в дальнем углу шатра, где Аттила и Бледа собирали вождей на пиры, которые служили одновременно государственными и военными советами, и не подавать оттуда голоса. Действительно, получилось, что этим он уберёт себя – не попал в кровавые сети, которыми Аттила прорежал свиту после того, как отправил вслед за дядей и брата. Смертельная ячея была слишком крупной, чтобы зацепить такую мелкую рыбу, как он.

К тому времени, как гунны вторглись во Фракию, оказавшуюся в начале пути их великого похода, Чекур по-прежнему оставался предводителем одного из многих племён великого воин-

ства, именуемого гуннами и заставляющего содрогаться народы от одного упоминания о себе. Правда, пребывать в тени вождя угров оставалось недолго. Случай проявить себя не заставил ждать. В первой же битве, казалось бы, непобедимая военная мощь гуннов дала сбой. Племя армориканцев, воевавших на стороне фракийцев, применило новое оружие, с которым прежде их противнику не доводилось сталкиваться. Вернее сказать, это были обыкновенные стрелы и копья, но смазанные каким-то тайным ядом. Не настолько сильным, чтобы раненый ими погибал от одной царапины, но вместе с тем даже незначительное ранение выводило воинов из строя. Их тела покрывались пятнами, вызывающими зуд и боль, да столь нестерпимые, что застилали собой всё – вплоть до инстинкта самосохранения. Люди падали прямо на поле боя, извиваясь в страшных муках. И если бы не самые сильные и стойкие воины, которым удавалось терпеть зуд и боль, их товарищи пали бы лёгкой добычей армориканцев. Убить корчащегося на земле воина не сложнее, чем старуху или ребёнка. Число выбывших из строя по ранению исчислялось десятками сотен.

В этот сложный момент Аттиле подсказали, что вождь угров Чекур является горном и может противостоять козням армориканцев. Вряд ли того доброхота заботили участь раненых гуннов и угроза срыва наступления, скорее всего в вожде кто-то видел потенциальную угрозу и решил устранить её. Оплывавшего, не оправдавшего надежд Аттилы ждала незавидная участь, по сравнению с которой быстрая смерть от клинка могла считаться милостью Кок Тенгри – небесного бога, которому поклонялся сам Аттила. Кстати, единственная терпимость из всех существующих, которую он проявлял, – к богам. Немалое их число, призываемое молитвами на десятках языках, кочевало вслед за его до сих пор непобедимым воинством. Этот сонм богов и божков был сродни хорошим латам, сработанным из различных по размеру и толщине пластин, но так ладно, что отлично защищали и не сковывали движений. И вот нашлась брешь в этой, казалось бы, идеальной защите. Требовалось её подлатать, и кому ещё это было доверить, как не горну, раз весь доселе приобретённый боевой опыт оказался бессилён.

Аттила принял угра в своём шатре, добрую четверть которого занимал массивный деревянный трон, украшенный искусной резьбой: сфинксы, драконы, львы и орлы восседали, крались, скалились и парили от подножия до подлокотников и спинки в два человеческих роста. Трон был настолько большим, что Аттила мог вставать во время приёмов или пиров и прогуливаться рядом с тем местом, где восседал, по-прежнему возвышаясь над остальными.

Подданного главный гунн встретил таким взглядом, каким бы удостоил одного из деревянных львов на подлокотнике, если бы тот вдруг рыкнул или потряс гривой.

– Небо – Кок Тенгри, земли – Аттиле! – произнося приветствие, Чекур возвёл вверх обе руки, потом провел ладонями по лицу и соединил их у груди, ожидая слов кагана. Тот начал с вопроса.

– А скажи-ка нам, Чекур, зачем я тебя позвал? Ты, говорят, горн, а потому тайн для тебя быть не должно?

Из свиты, расположившейся на скамьях у подножия трона, кто-то хмыкнул при этих словах, кто-то поостерёлся раньше времени демонстрировать своё отношение. Мало ли.

– Для этого, Великий, не надо быть горном. Весть об отравленных стрелах и копьях армориканцев облетела твои войска быстрее, чем бы это мог сделать царь птиц орёл, что в изголовье твоего трона.

Ответ уверенного в своих силах человека, без подобострастия и без оглядки на злорадство части приближенных пришёлся Аттиле по нраву. Тот одобрительно кивнул, и Чекур продолжил. Правда, на этот раз он решил не раскрывать полностью своих догадок и дать возможность Великому остаться на высоте, а самому немного потешиться над недоброжелателями.

– Только вот в толк не возьму, зачем тебе такой скромный вождь, как я, мог понадобиться, когда тебя окружают столь величественные умы? Хочешь послать вперёд моих воинов?

– Так их, Чекур, так! – захолопал в ладоши вдруг повеселевший Аттила. – Ничего путного подсказать не могут. Или боятся. Зато на пирах тосты в мою славу горазды болтать. Ты, видно, не из таких? Да и вина, докладывают, ни сам не пьёшь, ни воины твои. Только их храбрость и отвагу пока испытывать не собираюсь. А вот тебя пришло время. Молва о тебе идёт как о горне. У вас их, кажется, шаманами кличут? Видишь, Аттила всё знает о своих подданных, хоть порой и не ведаёт их точного числа.

– Слава Аттиле! – раздался клич со скамьи и, многократно подхваченный, стал метаться по шатру и даже прорвался за его пределы.

Великий воспринял это как должное, дал время утихнуть заздравным возгласам и продолжил.

– Сделай так, чтобы яд стал вреден не больше, чем укус пчелы, избавь от мук раненых и верни их в строй, чтобы они с удвоенной решительностью пошли на армориканцев, желая поквитаться с ними за свои страдания. Такова моя воля. Тебе нужно время, чтобы обратиться к твоим богам за советом? Кстати, а как зовут верховного?

– Его имя Нга. Но беспокоить его нет необходимости, сейчас у меня к нему нет вопросов, я готов держать ответ немедленно!

При этих словах произошло заметное волнение в свите. Многие ожидали, что угр начнёт уходить от прямого ответа, постарается тянуть время – просить отсрочки для общения с богами, на подготовку и проведение обряда, в надежде, что тем временем ситуация каким-то образом сама собой уладится. Решимость, с которой этот угр дал согласие держать ответ, поразила всех без исключения.

– Почему мы не сошлись раньше, Чекур? – помедлив, произнёс Аттила. – Пусть Нга не оставит тебя, иначе мне будет жаль потерять человека, который только-только начал мне нравиться. Пусть и Кок Тенгри встанет на твою сторону.

Конечно, решение, которое Чекур собирался озвучить, не было наитием. К такому развитию событий он просто оказался готов. Ещё до того, как за ним явились стражники Аттилы, чтобы передать его волю и сопроводить в ставку, вождь угров размышлял, как ему в случае стычки с армориканцами, противостоять их отравленному оружию. Обращаться за советом к Нга или кому-то из сонма подчиняющихся ему богов он не стал. Чекур вообще не был шаманом в традиционном понимании – не камлал, как другие, с бубном и плясками, он и без этого входил в транс для общения с миром духов. Но в последнее время делал это всё реже. Вместе с тем, он всё чаще стал задумываться о том, что величие и могущество их богов сходило на нет, тает, как весенний снег. Все они словно являлись частью каменного пояса гор, поросших густыми лесами, и граничащих с ними на севере – тундр. Степей – на юге. Появление на их землях хуннов, увлёкших за собой самых сильных и отважных носителей веры, и последующее слияние хуннов, угров и других племён в один народ – гуннов, в свою очередь, подорвало корни и самой веры, от чего та стала сохнуть и терять силу.

Лишённые привычных ориентиров и опор боги рек, озёр, покровители охоты, рыбалки и стойбищ растерялись и, как обычные люди, оказавшиеся в непривычных для себя условиях, стали совершать ошибки, давать промахи. Правда, по-настоящему понять и прочувствовать это могли лишь шаманы, но у одних не хватало ума понять это, у других – признать. Были и третьи, кто, как Чекур, и понял и признал, но продолжал совершать обряды, чтобы не потерять власть над своим народом, не утратить его доверие. Так не могло продолжаться бесконечно. Выход из этой ситуации рано или поздно надо было найти. Но где он и куда ведёт, пока было неясно, а потому необходимо было оставить всё как прежде, хотя бы внешне.

Размышляя об отравленных стрелах, дротиках и копьях, Чекур вспомнил о том, как его самого после первого опыта шаманства вернула с пути в преисподнюю мать отца Курья. Это была единственная женщина-шаман среди угров. Больше ни с одной хранительницей очага боги не желали разговаривать, предпочитая тех, кто представлял род добытчиков и воинов, –

мужчин. Будучи ещё совсем мальчишкой, Чекур подглядел, как Курья перед тем, как камлать, растирала мухомор с кровью собаки и пила получившееся снадобье.

Кроме того, что собаки у угров были помощниками в охоте и охраняли стада овец и табуны лошадей от волков, они ещё считались и защитниками от духов преисподней. Не зря при налетах на стойбища врагов угры уничтожали прежде всего собак, стремясь тем самым избежать мести божков, покровительствующих противнику. В случае болезни человека по требованию шамана угры опять же приносили в жертву собаку, удавливая её ремнем, собачьи тела при этом зарывали в землю. Убивали собак и весной, чтобы люди не тонули в лодках, и летом на празднике *чистых хором*, чтобы шаман, напившись собачьей крови, мог без усталости камлать много дней, так же, как собака, лающая без усталости. А в праздник Солнца воин, принося жертву, разрубал мечом собачью грудь, доставал оттуда ещё пульсирующее сердце и вгрызался в него зубами, стараясь съесть. Если ему это удавалось без рвоты, то предстоящий год стоило ожидать благополучным, если же пожирателя сердца тошнило – готовились к худшему. К тому же жертвоприношения собак совершались при трудных родах.

Потому-то именно собака стала первой жертвой Чекура, которую он лишил жизни, желая испробовать, примерить на себя суть шаманской силы. Выбор пал на щенка, постоянно путавшегося под ногами. Любимец сестры Чекура Нори, часто игравшей с ним, ещё не научился относиться с опаской к людям и охотно побежал за манящим и посвистывающим маленьким хозяином к сосновой роще на краю городища. Щенок почуял неладное, когда на его шее затянули веревку и привязали к дереву. Сначала повис до того непрерывно виляющий хвост, потом из горла стали вырываться лёгкие поскуливания, когда же Чекур вернулся с двумя мухоморами, на поиски которых потратил какое-то время, собачонка уже перешла с завываний на повизгивания. Юный угр повалил её рукой за загривок, прижал коленом к земле и одним ударом кинжала перерезал горло. Придерживая конвульсирующее тельце, отложил обагрённое оружие, взял берестяную плошку, припасённую загодя, поднёс её к ране и наполнил кровью.

Когда собачонка затихла, приступил к сакральной, как ему виделось, трапезе. Шляпки мухоморов были небольшие, с его кулачок. Будь то куски мяса, пусть даже старого лося, он бы умял их быстрее, чем Курья успела бы развести костёр из сухих веток. Но грибная мякоть резко и отвратительно пахла и разъедала язык с нёбом. Вязкая, тёплая, чуть солоноватая кровь, с одной стороны, смягчала это действие, с другой – делала колдовскую снедь тошнотворной. Рвоту удалось сдержать. Покончив с «пищей богов», Чекур уселся под сосной, откинувшись на неё спиной, и стал постукивать в бабкин бубен, который не преминул прихватить с собой, ожидая появления если не самого Нга, то хотя бы Синга – Матери леса. Первой пришла резь внизу живота, потом скрутившегося от боли мальчишку навестило забытьё. К нему уже подбирались духи преисподней *нгангэ ембаць*, когда на бредившего сына вождя наткнулся раб, ходивший за дровами. Несостоявшегося шамана Курья отпаивала молоком кобылы, приговаривая: «Успеешь ещё, мальчик, твой черед камлать не пришёл. Из тебя выйдет настоящий шаман, каких в нашем роду ещё не бывало».

Воспоминание из прошлого Чекур воспринял как знамение и руководство к действию. Перво-наперво отдал приказ не пускать под нож стадо коров, захваченное на днях одним из его отрядов. Посланный пересчитать поголовье доложил – девятнадцать рук. Это было отличное, хорошо откормленное стадо, хоть сейчас на вертела и в котлы. Правда, запрет на это вызвал лёгкое недовольство воинов, но открыто никто протестовать не стал. Чекуру привыкли доверять, да и, в конце концов, на голод их не обрекали – на овец и коз табу не распространялось. К тому же леса полны оленей, косуль и кабанов, встречается в обилии птица. Правда, требовалось применить больше смекалки и силы, чем просто перерезать горло домашней скотине. И вот время показало правильность принятого подспудно решения.

– Всепобеждающий, немедля вели приступить к рытью ямы, такой, чтобы в неё одновременно могли поместиться стоя воины числом в десять рук, – начал Чекур после непродолжительной паузы, выждав, пока возмущённый ропот со скамей подле трона поутихнет. – И тотчас же пусть швеи берутся за иглы и сшивают шкуры, чтобы выстлать дно и стены этой ямы, после чего она станет непромокаемой, словно бурдюк. Яму предстоит наполнить коровьим молоком. Вот в эту-то молочную купель и следует опускаться раненым армориканцами воинам. Она исцелит их от яда.

– Быть тому! – откликнулся Аттила.

– Великий, мне следует попросить у тебя милости, – не сдвинулся с места Чекур.

– Что не так? – насупился верховный правитель, ему не нравились сюрпризы, за которые ждали не награды, а наказания.

– Должен признаться, что, не дожидаясь твоего соизволения, я позволил себе отдать приказ гнать в ту сторону, где твои мужественные воины сражаются с армориканцами, стадо в половину требуемых голов. Остальную, думаю, не составит труда собрать.

В ответ Аттила разразился смехом:

– Считаю, что моя милость на твоей стороне. Всем бы, как тебе, молить о ней.

Озвученная угром схема действий немедленно пришла в движение. Даже наложницы Великого не остались в стороне, тоже взялись за иглы. Уже к середине дня целебная купальня была готова. Чекур обошёл яму, исполняя некое подобие шаманского танца. У наблюдающих за ним должно было сложиться впечатление, что горн проводит магический обряд. Сам же вождь вытанцовывал для создания видимости того, что вызывает к Нга о придании молоку исцеляющей силы. Традиции, они вообще чаще имеют большую силу и власть, чем самые разумные и очевидные обоснования. Нельзя просто так, по своему усмотрению, взять и отмахнуться от заведенного порядка вещей, ничего не предлагая взамен. Тем более, если дело касается веры. Людям надо прежде созреть, дойти до состояния готовности принять иную божественную власть над собой. Сейчас же им достаточно было видеть картину незыблемого порядка вещей, и дать её мог на самом-то деле уже лишённый сакрального смысла, а сохранивший лишь форму шаманский перепляс.

И вот Чекур дал знак – заговор на молочную купель наложен. Тут же к ней потянулись воющей и скулящей вереницей раненые, не перестающие терзать своё тело, расчёсывая язвы крепкими и чёрными, как сталь, ногтями. Большинство уже не могло идти самостоятельно. Их вели, а кого уже и несли, те, кто ещё мог это сделать. Помощи со стороны не поступало. Здоровые боялись подцепить от поражённых страшную заразу.

Измученные люди скатывались в яму – спускаться получалось у немногих, зато уже через несколько минут пребывания в молоке, когда боль и зуд прекращались, они, словно заново родившиеся, легко выбирались наверх по приставным лестницам. Желающих задержаться в молочном чане телохранители Аттилы гнали оттуда длинными заострёнными деревянными шестами. На освободившееся место имелось немало кандидатов, а их самих ждало оружие и покинутое ими, пусть и не по доброй воле, поле битвы. Армориканцы, увидев, что ещё недавно корчившиеся в муках гунны как ни в чём не бывало снова идут в бой, потеряли присутствие духа. От превосходства, которое им давало их секретное оружие, не осталось и следа. Наоборот, инициатива перешла к гуннам, их желание поквитаться с коварным противником было запредельным. Вскоре армориканцы дрогнули и побежали, а добывать такого противника не сложнее, чем старух и детей. Это был разгром.

По окончании битвы Чекур повелел свалить все трофеи в одно место. Смазанные ядом мечи, кинжалы, копья и стрелы образовали кучу, уступающую в размерах разве что шатру самого Аттилы. Тот не преминул явиться и самолично посмотреть на финал колдовского обряда вождя угров. Чекур отдал приказ своим воинам поджечь навал. Тот занялся довольно

быстро – сухие древки охотно отдавались огню, так что он скоро достиг вершины кучи и взмыл над ней. Потом пламя вдруг отяжелело, как будто надломленное страхом. Его яркие всполохи спеленали извилистые змейки бледно-красных, чадящих язычков. Так же совсем недавно змееподобно корчились в муках и пораженные ядом люди. Однако костер недолго был в плену теряющих силу злых чар, обволакиваемый благосклонным небом, он быстро справился с ними; огонь вновь стал светлым, лёгким и радостно затрепетал, словно флажки на древках в ставке верховного правителя. В этот момент Чекур произнёс слова, суть которых так никто и не понял:

– Небесное молоко пришло на подмогу.

На пире в честь победы Аттила спустился с трона, что делал чрезвычайно редко, подошёл к Чекуру и лично поднёс ему наполненный молоком кубок, со словами: «Будь здоров, Молочный горн!». С той поры Чекура так всё больше и стали называть. Имя, полученное от бабки, Карьи, отошло на второй план. Молочный горн – с одной стороны, казалось бы, не самое звучное прозвище среди гуннов, предпочитающих молоку сброженные, чаще всего из чего попало, хмельные поила, а если что и жаждущих пролить, так кровь врага. С другой стороны – имя, слетевшее с уст самого Аттилы, прибавляло его обладателю славы и уважения во всём великом войске.

Кукушка – чрево шамана

Чекур не был шаманом в обычном понимании этого слова. Скажем, за самим камланием вождя угров было не застать. Что касается шаманского перепляса у ямы с молоком, ставшей целительной купелью для тех, кого ранило отравленное оружие армориканцев, то он устроил его в основном для Аттилы и его свиты. Они бы все здорово разочаровались, если бы вдруг выяснилось, что нейтрализовало яд банальное купание в обычном молоке.

Вождя также никому не доводилось видеть подле тяжёло больного. Там шаман обычно сначала неподвижно сидел, смотря прямо перед собой невидящими глазами, что-то тихо напевал и слегка постукивал в бубен. Потом, с укреплением песни, у него появлялся блеск в глазах, камлающий вставал на ноги и пускался в пляс, всё более энергичный... Всё быстрее и быстрее движения, все громче и напористей песня, все чаще удары в бубен... всё шире развевается бахрома на ритуальном облачении... в конце концов он падает в изнеможении на землю. Эти внешне эффектные приёмы вождь угров игнорировал, у него даже не было шаманского костюма, называемого *кам*, от чего, собственно, и пошло слово «камлать», что значит – «шаманить». Но попробовал бы кто-нибудь усомниться в силе Молочного горна?!

Между тем, без *кама* нельзя было себе представить общения с духами. Каждая деталь шаманского облачения имела своё назначение. Так, ниспадающая на глаза бахрома шапки символизировала отстранение от обыденного мира, открывала «третий глаз», защищала лицо от комьев грязи, швыряемых злыми духами, а вот бахрома на самом одеянии обозначала их пути и тропы. Острым шипом на шаманской шапке можно разбивать ледовые облака при стремительном подъеме в Верхний мир, обувь помогала не увязнуть на раскисшей дороге Нижнего мира, посох – удержаться на льду рек и озёр, а привязанный к спине повод – вернуться из полёта.

К тому же, облачаясь в костюм, шаман перевоплощался в различных животных, помогающих ему общаться с духами. Эти помощники изображались на подвесках костюма. Присутствовали здесь и образы мифологических оленя, медведя и птицы. Первые два изображали миф о небесной охоте: с востока на запад гонится медведь за Солнцем-оленьем и настигает его, но символизирующий Верхний мир олень, погибая, затем воскресает вновь. Птица – тоже символ Верхнего мира, на ней можно путешествовать и в Нижний мир. А бубен! Ударами в него шаман будит мир духов, этот же обтянутый кожей медведя деревянный обод выполняет роль ездового животного, на котором совершаются, казалось бы, немыслимые путешествия. У Чекура же из всех предметов шаманского арсенала было только бронзовое зеркало, доставшееся ему вместе с чародейским даром от бабки Карьи. Говорили, что, заглянув в него, он мог видеть будущее. Остальные атрибуты ему были без надобности. И без них вождь-шаман при необходимости мог войти в транс быстрее, чем закипит самый малый котёл на большом огне. Столь сверхъестественные способности не просто были ему дарованы свыше, но и сформировались чередой испытаний, каждое из которых для сына вождя могло закончиться смертью.

Шаманский дар, как правило, переходил через поколение – от деда к внуку. Считалось, что духи сами избирают будущего шамана: если ребенок родился в материнском платке (так называли угры околоплодную оболочку) или же в его поведении или внешности было что-то необычное, это воспринималось как соответствующий знак. В случае с Чекуром наследство он получил от единственной в народе угров шаманки. Ни до неё, ни после среди ведунов и знахарей женщин не бывало. Случилось это по какому-то недосмотру (подробностей никто уже не знал или не хотел помнить), но без особой воли богов тут не обошлось, а потому чары Карьи соплеменники чтили особо.

Мало того, она была матерью Савала – вождя угров. Того, помимо обычных для главы племени забот, одолевала ещё одна – рождение прямого наследника. Когда его жена Мирда беременела, он приносил Нга в жертву самых упитанных овец и самых надёжных псов, моля отвести участь шамана от будущего ребёнка. Первые три были девочками, ничем не отличимыми от других новорождённых угров – раскосоглазыми, смуглыми, с чёрненькими волосами. Да и пометь боги одну из них (да хоть всех), Савал не особо бы огорчился: раз кровь шаманская должна проявиться через поколение, то пусть уж на девчонке, раз мать его сделала такой почин. А в сыне он видел исключительно того, кто сможет стать настоящим вождём, воином, одинаково надёжным и в мире и на войне, без оглядки на духов, обычно более благосклонных к тем, кто и сам обладает боевым духом и может заразить им других.

Приведение воинов в возвышенно-агрессивный тонус и поддержание его во время боевых действий считалось одним из главных умений вождя. Самому ему, в силу унаследованных свойств характера и стиля воспитания, надлежало обладать способностью незамедлительно приходить в соответствующее настроение. Потому его обычным занятием в мирное время с самых малых лет были охота, различные состязания и военные игры, для которых оборудовались специальные площадки рядом с городищем. Богатырские забавы включали конные состязания, стрельбу из лука, метание копья, борьбу на поясах, бег наперегонки, метание каменных глыб ногами. Натренированный таким образом способен был увернуться от летящей в него стрелы, услышав лишь звук спущенной тетивы.

Меченый же ребёнок для этой роли не годился. Его одолевала шаманская болезнь, длившаяся до семи лет. Какое уж тут богатырское воспитание и соответствующие занятия, когда с больным шаманизмом дитём случались нервные припадки, судороги, обмороки, его одолевали ночные кошмары?! Таким образом происходило похищение души будущего шамана, ее перерождение. К тому же избранного духами ждало многолетнее испытание, во время которого он в глазах простых смертных терял рассудок. Так воспринималось путешествие будущего жреца в сопровождении духа-помощника по дорогам Верхнего и Нижнего миров, посещение великих божеств и получение от них чудесных даров.

Но именно благодаря этим подношениям позже происходило обращение к божествам-дарителям с просьбами. Это были атрибуты, по которым проходило определение: *свой – чужой*. Во время подобного искуса духи-кузнецы выковывали будущему шаману кости и сердце, наделяли «третьим глазом», открывающим невидимое простыми соплеменниками, закаляли голос для произношения заклинаний, делали чутким слух. И каждый полученный дар находил впоследствии свое символическое отображение в костюме для камлания. Кам порой весил не меньше, чем хорошие доспехи, и шаману был, бесспорно, необходим. Только вот вождю больше нужны кольчуга и латы, и не для одной красоты – в них пристало ещё и легко двигаться, совершать такие увороты и прыжки, по сравнению с которыми камлание могло показаться детскими плясками вокруг снежной бабы на фоне свадебных обрядовых танцев.

Поэтому можно представить себе состояние Савала, когда его долгожданный отпрыск появился на свет меченым. Нет, он родился не в так называемом *материнском платке* и даже не лысым, хотя это могло бы быть к лучшему по сравнению с тем, что произошло на самом деле. Когда Карья вышла из женской половины жилища и молча, но с торжествующим взглядом протянула ему новорождённого, вождь, приняв свёрток мягкого каракуля и развернув, едва не выронил дитя от неожиданности. Из чёрного меха выглядывало светлое личико с округлыми голубыми глазами и с рыжими волосиками на голове.

Нет, он ни на мгновение не сомневался в верности Мирды. Хотя рыжебородые высокие *динлины*, носившие шерстяные и шёлковые ткани, славившиеся изготовлением изделий из золота и бронзы, выделкой кожи и мехов, нередко встречались среди хуннов, чьи шатры всё чаще стали вырастать у рубленных хором угров. Большой совет угрских племён решил

дать приют вытесняемому из срединной Азии на запад воинственному племени вместо того, чтобы изводить друг друга в изнуряющей войне. Тогда ещё никто не предполагал, что, дав возможность беглецам в течение нескольких десятилетий собраться с силами, угры положат начало великим событиям в, казалось бы, такой далёкой и недостижимой, словно облака и тучи, Европе. Именно с угрских территорий начали хунны свой великий поход на Запад, а угры стали частью их боевой мощи. Впоследствии угры и хунны слились в единую новую общность. Гунны – в этом слове угадывались оба народа, словно какой-то шаман разобрал их названия на звуки, как остов жареного гуся на косточки, сгрёб в свою остроконечную шапку, потряс, запустил в эту смесь пятерню да и рассыпал всю пригоршню по траве. И выпало число этих звуков – что пальцев на одной руке, и сложили их духи в только ими понимаемый порядок: Г-У-Н-Н-Ы. А уж в какой железный кулак сложились эти пять пальцев, довелось испытать на себе многим племенам и народам. Немало их почлю за благо тоже стать гуннами и влиться в сметающий и перемешивающий всё и вся на своём пути поток. Увлечёт он и Савала, а потом и его наследника.

Но об этом вождь и новоявленный отец, обретший преемника, тогда знать не мог. Взгляд же его матери-шаманки напомнил предупреждение, что его дети могут оказаться светловолосыми и голубоглазыми. Дело в том, что Карья родилась от брака угорки и руса. Их войско явилось со стороны Каменного пояса, преодолев его пешим и водным путём. Эти лихие люди, как рассказывают, были выше угров, широкоплечи, с продолговатыми лицами, белым цветом кожи и румянцем на щеках, с белокурыми а то и рыжими волосами, жёсткими густыми бородами, прямыми носами и светлыми глазами. Русы напали и разграбили несколько городищ и селений угров, вырезая всех жителей, кроме самых красивых и молодых женщин, которых забирали в жёны. Мать Карьи Зуда оказалась одной из них. В жёны её выбрал вождь русов Куна, бывший к тому же и главным жрецом – волхвом.

Пришельцы надеялись обжиться в этих местах, уничтожив всех мужчин, пустить здесь свои корни. Для этого у них хватало и силы, и отваги, и жестокости. Одного не учли вышедшие из леса и преодолевшие горы – многочисленности народа. Объединившиеся племена угров дали решающий бой русам. Лишь небольшому числу чужеземцев удалось отступить и уйти за Большой камень. Куна в этой битве тяжело ранили. Говорили, что русы, спасая вождя, бывшего в беспамятстве, уносили его на носилках. Супругу же его Зуду бросили как лишнюю обузу. Все считали, что добраться русам до родных мест не суждено: мало их осталось, и много врагов они встретили на пути, которым пришлось возвращаться.

Молодую вдову (хоть мёртвым Куна никто и не видел), уже носившую в утробе ребёнка, забрала к себе далёкая родня, верховолившая в одном из племён. Замуж больше она так и не вышла. Потенциальные женихи отказывались от своих намерений, как только узнавали, что она вдова белого шамана, и все свои силы и любовь женщина положила на воспитание дочери Карьи. Перед её красотой и чарами не устоял ставший вдовцом верховный вождь угров Бугил. Его не смутило и то, что она объявила себя шаманкой, единственной в их племени, да и среди других племён не было слышно про жрецов-женщин. Весьма возможно, именно это обстоятельство сыграло ключевую роль при выборе вождя. В своём первом браке Бугил так и не обзавёлся детьми, во втором надеялся исправить положение, пусть даже и при помощи духов, с которыми уж кто-кто, а шаманы всегда были накоротке. И он не прогадал: Карья подарила хоть одного ребёнка, но сына! Наследника. И вот, когда самому Савалу пришла пора ожидать потомства, мать и предупредила его, что родиться у него может светловолосый, возможно, даже рыжий ребёнок. Отголосок своего прадеда-руса.

Савал не сразу смирился. Пытался защитить меченого сына, сопротивлялся духам. Женщины накрывали ребенка, как это было принято при шаманской болезни, своими штанами, переступали через него. И всё ещё не давали ему имени, боясь, что тогда уже ничем не смогут помочь избежать нежелательной для будущего вождя участи. Карья не принимала участия

в «спасении» внука, мало того, словно не замечала этих действий. А однажды положила им конец.

– Твой сын может вырасти великим вождём и шаманом, – сказала она Савалу, когда тот пришёл просить её о помощи. – А может не стать ни тем ни другим. Доверься духам. Они говорят мне, что не будут изводить мальчика своими искусствами – водить по дорогам Верхнего и Нижнего миров, посещать божества, ковать ему сердце и кости на свой лад, закалять голос и утончать слух, наделять вторым зрением... И без этого Чекур – такое имя подсказано мне духами, что означает на языке его прадеда руса *золотой камень*, когда вырастет, сможет обращаться к божествам-дарителям с просьбами. Так что воспитывай его как вождя и воина, закаляй богатыря на свой лад. Боги и духи тоже сделают это в своё время, и если он останется жив и здоров после этого, то не будет ему равных среди смертных. Правда, счастья ему это вряд ли принесёт... Ну, то уже промысел богов, и не нам судить, что хорошо, а что плохо.

Успокоенный матерью, Савал сосредоточился на воспитании преемника в соответствии с принятыми традициями. И преуспел в этом. Позже Чекур в битвах не раз показывал пример воинского мастерства, доступного единицам. Так, он вставал в один ряд с *ляками* – воинами, прозванными так по названию военной стрелы – *лака*, и способными шестом отбивать летящие в них стрелы. Обычно за ляком укрывались лучники числом до двух рук. Чудеса, творимые кудесниками шеста, когда из-за их спин вылетали тучи стрел, часто деморализовали противника, впервые сталкивающегося с подобным приёмом ведения боя. Ходили слухи, что как-то раз Чекур на спор так крутил шестом над своей головой, что остался сухим в проливной дождь.

Что же касается испытаний духов, то первым из них для Чекура стала мухоморная трапеза. В принципе она могла оказаться последней в жизни юного угра, ведь пожелавший впасть в блажь и тем самым испытать свои шаманские способности совершил роковую ошибку. Мухоморные духи, проявляющиеся белыми пятнами на красных шляпках грибов, проникая в человека, путают и кружат его, а иногда даже губят. Если уведут испытуемого вниз по реке, он погибает, если вверх – становится шаманом. Исход испытания во многом зависит и от того, каким оказывается снадобье – живым или мертвым. Живое получается из выросших рядом трёх, пяти или семи мухоморов, мертвое – из двух, четырёх или шести. Одиноко выросший гриб вообще является пищей нечисти и ядовитей в разы выросших парами.

Маленький Чекур не знал этих тонкостей, хотя часто навещался к бабке, когда случался роздых в богатырском учении. А нередко и помогал Карье в обрядах. Например, подхватывал её пение на вдохе, когда у той заканчивался воздух в легких, ведь шаманские звуки не должны прерываться, или помогал ей растирать и смешивать разные травы, корни и иссохшие до невероятной легкости косточки каких-то мелких животных или птиц. Но все его знания ограничивались лишь наблюдениями и физической помощью, в таинства его не посвящали. Потому-то, задумав отведать мухоморного зелья, он и сорвал даже не пару растущих рядом мухоморов, а куда как хуже – два мёртвых, одиноких гриба нечисти, о чём уже после выведала Карья. Смерть не ушла бы тогда с пустыми руками, не наткнись в лесу на бредящего мальчика раб.

Им оказался приведённый хуннами пленник, отданный уграм в качестве платы за гостеприимство. Мужчина так и не научился понимать язык ни хуннов, ни тем более угров, поэтому о своей находке в лесу ему пришлось рассказывать жестами и мимикой, а отчаявшись, что его поймут, решил на то, чтобы схватить хозяйку – ею оказалась мать ребёнка, Зуда – и едва ли не силой тащить за собой. Такая вольность могла стоить невольнику жизни, но казалось ему более разумной, чем самому вынести из леса маленького вождя, бывшего явно не в себе. Впрочем, благоразумие не спасло раба. Его принесли в жертву богам в обмен на жизнь Чекура.

Карья тут же стала отпаивать внука заговорённым кобыльим молоком. Веретеном разжижала мальчику зубы и вливала понемногу из плошки. Жизнь раздумала покидать очищенное от яда тело, теперь дело оставалось за душой. Она к тому времени отправилась вниз или вверх

по реке времени, и чтобы вернуть её, требовалось послать за ней другую. Душа нашедшего Чекура раба как нельзя лучше подходила на эту роль посланника-проводника.

В благодарность за услугу его избавили от тревог и страхов приговоренного к жертвоприношению. Ничего не подозревающего раба, рассчитывающего на награду за свой поступок, Карья угостила порошком из сушёных «живых» мухоморов и дала запить их тёплым молоком, смешанным с кровью. Через какое-то время мужчина впал в забытье, на его губах заиграла блаженная улыбка и из них стала литься «мухоморная песня». Она проясняет чужие помыслы, и замысел Карьи ему открылся, но не испугал, как можно было бы ожидать, а, наоборот, – увлэк, как будто ему предстояло отправиться в приятное путешествие, где он будет избавлен от монотонного изнуряющего труда. Когда шаманка приблизилась к нему, держа в руке кинжал, которым до этого Чекур убил щенка, раб сам задрал подбородок, чтобы облегчить ей кровавую работу. От этого горло его распрямилось, и песня из него полилась звонче и даже торжественней, пока не прервалась булькающим хрипом. Это свершилось в полдень. А уже к вечеру губы мальчика, обмазанные кровью его спасителя, разомкнулись и попросили воды.

Савал тяжело перенёс первый из обещанных матерью искусов своего сына и с тревогой стал ожидать следующего. Произошел он нескоро. К тому времени Чекур стал уже мужчиной. Узнав, что её внук «вложил свой меч в тёплые ножны», Карья поняла, что пришла пора нового испытания. Уже вполне осознанного. Как-то она попросила внука помочь ей в сборе девяти трав, чьё воскурение, наравне со звуком бубна и бронзовым зеркалом, в определённых случаях помогает вхождению в транс. За одной из таких трав, блошницей, используемой в обычной жизни для успокоения нервов и отпугивания блох, пришлось идти довольно далеко. Заросли сиреневых соцветий они обнаружили на берегу небольшой речки в полудне ходьбы от городища. Нарвав и навязав пучков столько, сколько поместилось в завязанный с концов плащ молодого воина, они присели отдохнуть и перекусить перед обратной дорогой.

Старуха мелко строгала вяленое мясо и держала его за щекой, прежде чем начать перемалывать остатками зубов. Чекур же отрывал резцами и коренными целые куски жёсткой пищи, рвал её, словно волк тушу лося. Бабка залюбовалась жующим внуком, так что сама забыла про еду, пока её не вернул в действительность крик кукушки. Женщина повернула голову в ту сторону, откуда раздавалось кукование, и стала искать глазами дерево, в кроне которого притаилась птица. Чекур перестал двигать челюстями и тоже весь обратился в слух. Прежде ему не раз доводилось слышать своеобразное пение кукушки, но никогда оно его не трогало и не волновало так, как сейчас. Словно почувствовав пристальный интерес к себе и испугавшись этого, птица смолкла. Правда, к тому времени шаманка успела обнаружить укромное место, выбранное осторожной птахой. Только после этого, выплюнув так и не размысленный кусочек мяса, она приступила к разговору, ради которого и затеяла вылазку.

– Отличная лиственница, – кивнула она на дерево, на котором затаилась кукушка. – Могучая. Ты тоже начинаешь входить в мототу, вот уже, говорят, и мужчиной стал. Но как у дерева сила не только в стволе, а и в корнях, так и человек дюж не одним телом. У него тоже есть свои корни. Пришла пора тебе узнать о своих.

Конечно, ты сын своего отца и готовишься со временем стать ему достойной заменой. Можно не сомневаться в том, что всё так и будет. В любом случае. Я говорю в любом, потому что, даже став вождём, ты имеешь возможность пойти своим путём – стать по-настоящему великим и могущественным, соединив свою силу и отвагу с даром, что преподносят Небеса.

– Неужели, бабка, как ты? – не принял всерьёз её слов Чекур и снова принялся растирать зубами жёсткие волокна вяленой оленины.

– Напрасно смеёшься, – Карья как должное восприняла первую реакцию внука. – Когда ты станешь обладать сверхсилой, я покажусь тебе такой же неумёхой, каким ты видишься сейчас мне. Твоя доля – стать властителем, каких не было и нет ни среди угров, ни среди хуннов, ни вообще – смертных. Правда, как и когда это произойдёт, я не ведаю. Духи лишь подсказы-

вают, что ты можешь стать наравне с ними. Случится всё вдали от этих мест и тогда, когда в небе встанет хвостатая звезда, сверкающая, как остриё меча на солнце. Это только знак. Я его вижу, но не могу понять его значения. Сам со временем разберёшься, что да к чему. Пока лишь запоминай.

Чекур обернулся к Карье, чтобы ответить ещё что-то в прежнем духе, но, обжёгшись об её взгляд, враз настроился на серьёзный лад. Первым делом бабка поведала ему о его предке – отважившемся на дальний поход вожде и волхве русов Куне, от кого он унаследовал стать и необычную для их народа внешность. Затем пришёл черёд рассказать о том, что стёрлось из памяти самого молодого угра – его мухоморной трапезе и о том, что это было лишь первое испытание, которое, волею богов, ему удалось пройти. Теперь, чтобы завершить начатое обречение тайной силы, следовало преодолеть другое. Но сделать это уже по своей воле, самому принять решение о том, стоит ли принимать вызов богов или нет. Если отступится, то станет просто хорошим вождём, о его подвигах могут даже сложить легенды, но из тех, что умирают вместе со сказителями, чтобы уступить место другим.

– Думай, об этом ли может мечтать такой богатырь, как ты? – самой шаманке не хотелось, чтобы её внук свернул с намеченного ему свыше пути. – Чекур! Это имя может звучать и спустя куда больше зим, чем поместилось травинков в твой плащ.

Старуха знала, чем можно прельстить полного сил и смелых помыслов юношу. И пока он, озадаченный услышанным, отвалился на спину и стал смотреть на облака, словно пытаясь разглядеть в них для себя какой-то тайный знак, который бы помог определиться, шаманка снова заговорила.

– Подумай, подумай... А я расскажу об уготованном тебе искусе. Только что мы слышали с тобой кукушку. Мы, шаманы, называем её любовно «чёрненькая». Сама кукушка была когда-то женщиной. Однажды она захотела пить и попросила детей принести ей воды, но те остались глухи к её просьбам. Чтобы не умереть от жажды, женщина для хвоста приспособила иголки, для крыльев – лопату, для клюва – напёрсток, обернулась птицей и улетела. Так вот, тебе предстоит убить кукушку, разрезать её на семь частей, опалить каждую на огне и развеять их на дереве, самому же улечься спать под него.

– И всего-то? В чём тут искус, бабка? – Чекур проявил нетерпение. – Не слишком ли это лёгкое испытание для того, кто шестом может отбить каждую из стрел, разом пущенных в него? Почему кукушка, а не птицы, что парят в небесах – орёл, лебедь или журавль?

– Всё в нашем, шаманском, мире рождает, всё так или иначе связано с материнством, – Карья сделала вид, что её не трогает непочтительный тон внука. – Шаман испытывает сопричастность с рождающим миром, его жажда создания выражается в стремлении заключить в себе оба начала – мужское и женское, чтобы иметь возможность самому и зарождать, и рожать. Затем и должно умертвить кукушку, что она создана из женского начала – игл, лопаты, напёрстка, она обиженная детьми баба, олицетворяющая материнство как таковое, она восседает на вершине Жизненного древа, через которое идут к богам все мольбы человеческие. Ты станешь всем этим, воплотив в себе убитую кукушку, части которой будут охвачены огнём – опалены на костре – и охватывают Древо. Останется лишь, уснув – умерев, проснуться – родиться, если, конечно, на это хватит сил и духа. Этот сон может стать вечным.

От таких слов у Чекура запылали щёки; и без того румяные, они стали пунцовыми, пот проступил по всему телу, словно он вышел один на один лишь с рогатиной да ножом на медведя-шатуна. Чтобы успокоить волнение и прийти в себя, молодой вождь спустился к реке. Там скинул с себя рубаху, обмыл лицо и торс прохладной водой и, только уняв пыл в теле, вернулся.

– Прежде чем я дам согласие, скажи мне одно – зачем мне это нужно? – вопрос этот он задал не сразу, а лишь ещё какое-то время понаблюдав за картинами из облаков. – Я не соби-

раюсь камлать, как ты, призывать духов на сторону одних и отвергать их от других, просить удачи в охоте и в битвах – я лучше буду полагаться на свои силы, чем исцелять недуги других – пусть лучше сами закаляют свой дух и тело. Так зачем мне все эти ваши шаманские штучки?

– Не знаю, мой мальчик. Возможно, со временем ты окажешься у истоков каких-то новых, неведанных прежде сил, станешь причастным к зарождению чего-то великого. Но, опять же повторяю, можешь и не стать – потому что сейчас откажешься, или потому, что согласишься и не проснёшься, или очнёшься, но в безумном мире. Искус не был бы искусом, если бы не таил опасность.

– Считаю, что договорились, – с этими словами Чекур потянулся к луку и колчану со стрелами. – Пойду. Кукушка, вроде, ещё не упорхнула с той лиственницы.

– Оставь это, – бабка придержала лежащее на траве оружие рукой. – Добыть и убить кукушку тебе следует этим и ничем другим.

С этими словами она передала внуку кинжал, которым он когда-то принёс в жертву щенка, а потом уже сама Карья умертвила раба, спасшего внука. Это был небольшой – длиной с две ладони обоюдоострый клинок с двумя кровостоками – специальными бородками-желобками, предназначение которых заключалось в том, чтобы усилить кровотечение, когда оружие остается в теле противника.

– Задача тебе уже не кажется такой простой?

– Я справлюсь.

– Буду ждать тебя на этом месте до завтрашнего вечера. Потом отправлюсь на поиски тебя или твоего тела. И знай одно – без тебя я в городище не вернусь. Отец, хоть и мой сын, но, думаю, не простит мне, если я погублю его единственного наследника.

– Я справлюсь.

Когда бабка и внук вернулись в городище, то по их виду можно было подумать, что они отсутствовали одну луну, не меньше, хотя солнце-олень лишь два раза умирало и воскресало. Особо это было заметно по Чекуру. Непременный до того румянец спал с его лица или, может, стал менее заметен через бороду, до того белесую, мягкую и шелковистую, а теперь жесткую, отливающую медью. В чертах лица пропала округлость, они проступали резко, словно по ним прошёлся молотом кузнец.

Савал, уже всерьёз беспокоившийся из-за непредвиденной задержки в лесу матери и сына и чуть было не сыгравший общий сбор для их поиска, сам вышел встречать заблудших, когда со сторожевой башни дали сигнал, что они вышли из леса. Вождь не проронил ни слова упрёка двум своим самым дорогим людям, которых было уже чуть не потерял. Лишь приобнял сначала сына, вглядываясь в его такое знакомое и вместе с тем ставшее другим лицо, потом – мать. Она не стала затягивать сентиментальный момент, сама отстранилась и зашагала к своему жилищу. Но, сделав пару шагов, остановилась, обернулась, и сын услышал такие долгожданные слова:

– Всё. Теперь он твой.

Действительно, после этого духи больше не беспокоили Чекура. И он никак не проявлял своих шаманских способностей, если таковые и приобрёл. Лишь время от времени навещал бабушку, по-прежнему выступая только в роли наблюдателя за обрядами (может, лишь стал более внимателен к деталям), да подпевая при камланиях и помогая в приготовлении целебных снадобий. Основное же время полностью посвящал своим главным занятиям, чтобы быть готовым однажды встать во главе племени. Тем более, что время это наступило раньше, чем предполагалось.

Когда, почувствовав в себе должную мощь, пришельцы-хунны решили продвинуться в края, куда уходит солнце, хозяева угорского края поддержали их потому, что впереди ждали не только богатые трофеи, но и более теплые и щедрые земли, где, говорили, даже не везде

выпадает зимой снег. И если в начале великого похода ядром вновь образовавшегося этноса – гуннов стали хунны, то его оболочкой – угры и другие племена, присоединившиеся к завоевателям позже.

Чекур, встречавший ко времени начала похода уже своё семнадцатое лето, был оставлен отцом вместо себя. Сам Савал возглавил дружину, куда все рода угров направили самых сильных воинов, пребывавших в расцвете своих сил. Дома оставались опытные, но уже не столь выносливые ветераны и молодёжь, у которой желания было намного больше, чем умения владеть оружием и держать удар. Не годившиеся уже или ещё для эпических сражений вполне способны были защитить родные земли от набегов неприятеля. Тем более что серьёзной угрозы ждать было неоткуда, могли потревожить лишь северные народы да дружины русов или дальних, родственных уграм племён из-за Большого камня. Однако они никогда не были многочисленными и делали расчёт на неожиданность, так что и в иные времена селения и городища угров, особенно на границах их земель, не были в безопасности.

Черед Чекура и его сверстников влиться в войска гуннов настал через пять зим. Веление отца выдвинуться в далёкую Паноннию, одну из частей к тому времени набирающего силу обширного государства гуннов под верховодством Ругила, привезли в леса и степи, прилегающие к Каменному поясу, несколько ветеранов. Они доставили родственникам удачливых завоевателей богатые трофеи и остались в родных краях нести посильную службу да доживать век. Вошедшие в силу воины стали собираться в путь. И здесь Чекур впервые проявил свой дар провидца.

Как только стало известно о дальнем и долгом походе, он решил навестить Карью. Бабка-шаманка к тому времени уже год как переселилась в мир духов. За день перед тем, как расстаться с земным миром, она прислала внуку зеркальце, которое использовала во время камланий. Принёс его в хоромы вождя мальчик, что прислуживал последнее время шаманке, но Чекура не застал и передал подношение его матери. Мирда же не придавала этому большого значения и сообщила сыну о бабкиной посылке только на следующий день. Среди живых Карьи к тому времени уже не было.

Похоронили ведунью согласно обычаю. Предавать земле не стали, потому как если зарыть шамана, то и весь мир закроется. Покинутое духом тело уложили в деревянный гроб, вместе с шаманским костюмом, бубном и колотушкой. Саму домовину установили на настил, сооружённый из кедровых корней меж двух сосен, в роще неподалёку от городища. Люди старались обходить это место стороной, несмотря на то, что грибы там стали расти после сооружения усыпальницы прямо ковром. И не шаманские мухоморы, а самые что ни на есть съедобные. Такие, что хоть сразу в котёл, что суши впрок на зиму. Но чурался народ, чудилось ему в этом какое-то колдовство, недоброе и нечистое дело, от которого надо держаться подальше.

Туда-то и отправился на ночь глядя Чекур, прихватив медвежью шкуру да тёплый плащ. Оборудовал себе лежанку под кедровыми корнями, закреплёнными меж сосен на манер настила, где в выдолбленном в стволе лиственницы гробу покоились кости и костюм шаманки. Молодой угр, когда улёгся, положил зеркало себе в изголовье и стал вести мысленный разговор с бабкой о предстоящем путешествии. Вернее, это был не разговор, а диалог, в котором молодой вождь обозначил своё видение предстоящих событий и просил дух шаманки помочь ему советом. Но и высказав всё, перед тем как веки его сомкнулись, Чекур долго ещё думал в ночной, не тревожимой никем и ничем тишине о сборах. Перебирал в уме всё, что может пригодиться в долгой дороге и дальних землях, держа в уме советы ветеранов относительно самого пути: куда двигаться, в каких землях какие обычаи соблюдать. Впрочем, в то время, когда гуннское государство находилось на пике своего величия, путешествия были вполне безопасны для его подданных. Мало кто отваживался на разбой в отношении их, боясь гнева и мести Ругила, ведь за одного убитого воина в подвластных ему землях к смерти приговаривались сто жителей из окрестных селений.

За этими мыслями его и сморила дрёма. Когда же проснулся, отправился в городище и повелел собрать всю пушнину, какая только найдётся. Набрался целый воз. Чекур объявил, что этот груз они возьмут с собой. Решение обременить и без того не слишком маневренный отряд не нашло понимания и даже вызвало недовольство не только тех, кому предстояло путешествие, но и тех, кто уже совершил его. Отпущенные Савалом домой воины не получали от него никаких указаний на этот счёт. Но открыто перечить молодому вождю никто не решился. А тот объяснять никому ничего не стал. Даже пожелай он это сделать, то слов бы доходчивых не смог подобрать. Кому станут доводом сновидения про нескончаемую зиму и коченеющих в железных доспехах воинов? А между тем, эти картины заставляли Чекура ёжиться от холода тёплой летней ночью на мягкой шкуре и под толстым шерстяным плащом.

Не понял этого поступка сына и сам Савал, когда, спустя шесть лун, к нему прибыло долгожданное пополнение. На вопрос, зачем он тащился за тридевять земель в тёплые края с этим добром, отец получил уклончивый ответ. Но поднимать на смех своего наследника не стал, и не только из опасения, что тем самым подорвёт его авторитет. Он просто вспомнил давний разговор со своей матерью и здраво рассудил принять решение сына, каким бы странным оно не казалось.

Правоту Чекура подтвердила ближайшая же зима, которая затянулась на целых полтора года (за долгое время тесного общения с римлянами, варвары переняли у них календарь, найдя его более простым и удобным). Столько времени солнце светило, как луна, без лучей, как будто теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. Это даже летом, не говоря о суровой осени и жесточайшей зиме. Доходили слухи, что где-то на севере злые духи прорвались из преисподней, залили землю огнём, а небо засыпали пеплом. Во время, казалось, уже нескончаемой зимы особым спросом стали пользоваться не только продукты питания – ведь холодная земля перестала рожать плоды, но и тёплые вещи. Для утепления своей одежды гунны приспособливали любой лоскут ткани или шкуры. Их амуниция, обычно имевшая достойный вид, стала всё больше походить на нищенские одеяния. И только воины племени Савала пережили эту долгую зиму, пусть и в голоде, но зато в тепле. Их тела согревали меха, что привёз молодой вождь с их родных земель.

Конечно, никто не сомневался, что он лишь выполнил волю своего мудрого отца. Тот же окончательно уверовал, что его так не похожий на него сын действительно знал и видел больше, чем все остальные. И с той поры Савал стал меньше тревожиться за судьбу как своего рода, так и всего войска угров, и даже – опасаться смерти. Нет, повода заподозрить себя в трусости он никогда и никому не давал, тем не менее, пока не был уверен в том, что на смену ему придёт достойный, старался лишний раз не рисковать. Теперь же словно почувствовал некую свободу, стал беспечней, за что и поплатился. При переправе через одну из рек вождь не стал дожидаться, когда для него изготовят плот, и пустился вплавь вместе с другими воинами, завязав одежду в кожаный мешок и держась за узду лошади. Вместе водоворот их и увлёк в омут. Так Чекур стал во главе своего племени, чтобы позже получить из уст самого Аттилы прозвище Молочный горн.

По наводке младших Брейгелей

То, что Лев Николаевич решил и себе, и мне устроить выходной, было весьма кстати. Хотя я и без того был в отпуске, но эмоциональную встряску в последние дни получал посильнее, чем в самых насыщенных событиях командировках. Впечатлений хватало, например, и в Чечне, и в Крыму, где довелось быть свидетелем и в какой-то мере летописцем того, как полуостров становился наш. Но всё происходившее там было ожидаемым – знал, зачем ехал – и не столь информационно сконцентрированным. Первоначальный экстракт получался как бы разбавленным благодаря большому количеству сопричастных к происходящему, примешивал их эмоции, в итоге выходило то, что делает игристые напитки забористыми, но легко выветриваемыми из головы. Здесь же потчевали чистым спиртом. И под рукой не оказалось ничего, чем бы его разбавить. Тайм-аут пришёлся в пору, хорошо бы голове просветлеть. Да и столичному профессору после моих откровений, видимо, требовалось скорректировать курс лекций и провести консультации.

По словам московского гостя, выходило, что я на крючке у пока неведомого, но, кажется, вполне реального тайного общества. И взяли меня в серьёзный оборот после того, как в Пушкинском музее я сделал несколько снимков Афродиты Милосской (именно так там она обозначена) на планшетник и отправил их себе на электронную почту. Эта спонтанная экскурсия, подтвердившая мои столь же смутные, сколь и невероятные догадки, произошла в апреле этого года. Точнее – восьмого числа. Чем больше оказываешься вовлечённым в эту историю, тем легче начинаешь воспринимать знаки судьбы. В ином разе непременно отнёс бы их к обычному стечению обстоятельств, ничем, кроме самого факта случайного совпадения, не примечательному.

Когда делаешь пересадку в Москве и у тебя есть полдня, которые ещё не решил, чем занять, становишься более внимательным к различного рода рекламам и афишам. Уже не проскакиваешь мимо людей, раздающих флаеры, так, словно они невидимки или обитатели какого-то параллельного мира. К идущим от них знакам становишься более чуток, как будто обычно индифферентный к процессу промоутер может обернуться едва ли не брамином или оракулом, а рекламная листовка, дающая сомнительную скидку, или анонс, мелькнувшие в переходе метро, – лотерейным билетом. Выигрышным. Мимо бы не проскочить.

Почему моё внимание привлёк именно небольшой плакат-анонс (попавшийся на глаза уже и не помню где) о выставке «Младшие Брейгели» в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина? Такой вопрос (хотя в обращении к себе сформулированный более кратко и ёмко: «Вот какого хера..?!») я себе позже задавал, и не раз. Вразумительного же ответа – провидение к таковому вряд ли отнесёшь – так и не нашёл. В самом деле, выбор более чем странный, учитывая мой уровень познаний в живописи. Он не позволял, например, отделить малых фламандцев от младших Брейгелей, а тем более подвинуть к тому, чтобы мотаться по столице в поиске экспозиции с их картинами. Впрочем, пока ноги сами несли в Пушкинский музей, об этом я не задумывался. Памятуя о его местонахождении – как-то раз доводилось проходить мимо, – я добрался на метро до станции «Площадь революции» и от Красной площади по Моховой пошагал в сторону Волхонки. Уже в пути понял, что мог бы значительно сократить себе путь, если бы вышел на станции «Библиотека имени Ленина». Дорога по следам памяти не всегда самая короткая.

Афиша на выставку в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина стала путеводной звездой

Контролёрша на входе, вернув оборванный билет, указала местонахождение выставки. Та располагалась в небольшом – больше похожем на закуток – зале, приютившемся на задворках Греческого дворика. Сам он оказался заполнен копиями покалеченных временем древних скульптур, на беглый взгляд отталкивающих, как экспонаты Кунсткамеры. Какой-то сквознячок прошёлся по душе при виде словно четвергованных мраморных тел, но я даже не поёжился. Прошёл мимо. Настолько был одержим желанием узнать, какого же чёрта привлекли меня эти младшие Брейгели и вообще, кто они такие.

Не сразу, но в чём-то определённо удалось разобраться. Во всяком случае, – с путаницей в многочисленных представителях плодотворной художественной династии, берущей начало от Питера Брейгеля Старшего. На всю жизнь запомнил его сыновей Питера Брейгеля Младшего и Яна Брейгеля, внука Яна Брейгеля Младшего и правнука Яна ван Кесселя Старшего, творивших в шестнадцатом – семнадцатом веках. Правда, семейка нидерландских художников вызвала мысль о существовании некой живописной мафии (даже клички имелись: помимо Старший – Младший, ещё Мужичкий, Адский, Бархатный), но даже если и так, то кому какое теперь до этого дело. Художниками-то они были действительно стоящими, своим семейным подрядом опровергнувшими постулат о том, что на детях гениев природа отдыхает. Даже на мой неискушённый взгляд, их картины, писавшиеся обычно на дубовых досках, были интересны. Хотя почему «даже»? Они и создавались с тем расчётом, чтобы быть понятными всем имеющим глаза: начиная с тех, кто мог себе позволить владеть шедеврами, заканчивая теми, кому доводилось лишь смахивать с них пыль.

В принципе природа притягательности такого высокохудожественного «ширпотреба» понятна. Я бы назвал это «социальный реализм позднего Возрождения» (если что, дарю термин, вдруг кому из искусствоведов приглянется). Сюжеты динамичны, многоплановы, с широкой перспективой. Порой ловишь себя на мысли, что изучаешь стоп-кадр художественного фильма: при этом главные персонажи выведены за кадр, а ты имеешь возможность сколь угодно долго разглядывать замеревшую массовку, находя всё новые и новые детали – то влюбленную парочку, то пташку, притаившуюся в ветвях дерева, то собачонку, ухватившую где-то кость, то тётку величиной с семечко подсолнечника, кормящую кур... Если это сегодня обращает на себя внимание, то можно только догадываться, каким успехом пользовалось в неизбалованном на зрелища шестнадцатом веке.

Что касается тематики, то она ясна, как божий день, не отягощена контекстом. Взять «Крестьянский праздник» Питера Брейгеля младшего Адского. Тут на всеобщем пире одновременно пляшут, бьют друг другу морды, лезут на столб за призом, ходят по мечам, крутят

шуры-муры, блюют, выдергивают зуб... И всё это чётко прописано в самых мелких деталях на фоне ярких декораций. Каждый фрагмент пространства предстаёт, можно сказать, отдельной частью «мыльной оперы». Не торопитесь, рассмотрите повнимательней. Завтра, коли будет воля, пожалуйста в другой угол картины на следующую серию. Если бы посещение Пушкинского музея ограничилось только впечатлениями от выставки младших Брейгелей, то и тогда можно было бы говорить об удачном московском транзите. Но оказалось, черёд главного открытия ещё не наступил.

Греческий дворик по возвращении из затемнённого закутка встретил бодрым дневным светом, в котором я, словно заново, взглянул на его экспонаты. Не тронувший меня до того «сквознячок» взбудрил и вывел из состояния пустого созерцания. Возможно, Брейгели разбудили творческое чутьё или то, что в моём случае скорее можно назвать интуицией. Как будто проглотил аперитив, от чего не только слегка захмелел, но и почувствовал голод. Пробудился не только мой художественный аппетит. Общение с копиями фрагментов восточного и западного фронтонов Парфенона, Афиной из Веллетри, Афродитой «в садах», Раненой амазонкой, Аполлоном из Тибра, Афиной Лемния и прочими изваяниями, словно намагнитили или зарядили какой-то особой энергией кусочек мрамора, названный мной Скарабеем. Он всё это время лежал в кармане ветровки. И обозначал себя не более чем жевательная резинка, находившаяся рядом с ним. А тут от камня словно пошло тепло, даже тело, показалось, стало слегка зудеть в районе кармана, и я то и дело почёсывал бок, изучая копии шедевров древних скульпторов. А ещё хотелось достать Скарабея и примерять его к всякому сколу и культе, коих на копиях древних изваяний имелось немало. Слава Богу, у меня хватило ума этого не делать.

Я уже понимал, что именно ишу. *Этого* в Греческом дворике я не увидел. Можно было задать вопрос смотрителю, но я словно боялся голосом спугнуть нечто необычайно важное или выдать тайну одним лишь словом или даже звуком. Да и не требуются никакие гиды, если тебя ведёт провидение. Поднявшись на второй этаж, я пересёк колоннаду выставочного зала, лишь ненадолго задержавшись у роденовского «Мыслителя», и, не раздумывая, повернул налево... Знакомая миллионам людей фигура безрукой богини разместилась как раз напротив входа – недалеко, метрах в десяти – в зале «Греческое искусство поздней классики и эллинизма». Потому и вид на неё открывался задолго до того, как посетитель входил туда. Сквозь окна в потолке на статую падал ровный свет весеннего дня, напитывая её особой притягательностью и ещё более выделяя на фоне пола цвета кофе с молоком и коричнево-красных стен. Сначала я налюбовался ею на расстоянии, хотя и не терпелось рассмотреть вблизи. Так бывало, когда ещё курил: как можно дольше оттягивал утреннюю сигарету, отчего первые затяжки становились не только более желанными, но и слегка дурманили голову.

Статуя Венеры Милосской занимает центральное место в зале «Греческое искусство поздней классики и эллинизма» Пушкинского музея.

Чтобы успокоиться, не спеша вошёл в зал, прошёлся по нему. По периметру стояли копии самых известных творений того периода: Ника Самофракийская, Отдыхающий сатир Праксителя, его же Афродита Книдская... Но я ничего, казалось, не видел, только таблички с пояснительными надписями. Следующая, следующая... Вот, наконец, и та: «Афродита, или, как ее часто называют, „Венера Милосская“ – наиболее известный вариант типа Афродиты, где она представлена обнаженной, с задрапированной в гиматий нижней частью тела. Тип этот восходит к классике IV в. до н.э., но спиралевидный поворот, перпендикулярно направленные движения и резкая граница между обнаженным телом и драпировкой принадлежат эллинизму. Обнаженный торс Афродиты выполнен из одного блока мрамора и, как в гнездо, вставлен в блок со складками – прием, также характерный для эллинистической скульптуры. Руки статуи утрачены...»

Сигналы, «излучаемые» мраморным обломком в кармане, бывшие до того эфемерными, стали всё явственней. Он так и просился на примерку. Но это было невозможно, как минимум, по двум причинам. Во-первых, постамент был не меньше метра, с учётом высоты самой скульптуры цифра возрастала до 204 сантиметров. До левого плеча Афродиты было не то что не дотянуться, но и не допрыгнуть (а осколок, судя по неровным краям, мог быть только оттуда, ведь правая культя была ровной, словно аккуратно ампутированной). Во-вторых, не стоило привлекать к себе внимания. Я отошёл и присел неподалёку на скамейку под сенью Ники Самофракийской. В принципе, я уже давно созрел для этого свидания. Чего бы ради тогда повсюду носил с собой обретенный по воле случая мраморный кусочек, позолоченный с одной стороны, или брал на заметку любую информацию, касающуюся этой статуи. Для начала следовало успокоиться. Чтобы отвлечься от самого предмета, я переключился на его восприятие. Стал прислушиваться к себе, стараясь уловить, какие чувства рождает в душе вид «Венеры №1» мирового искусства. Интересно было сравнить с теми, что испытывали в схожей ситуации

соотечественники, оставившие свидетельства об этих встречах, тем более что в основном это были люди творческие и довольно известные.

Впрочем, не обязательно они оставили художественные тексты. Взять реакцию человека, сыгравшего большую роль в формировании и композиторской «Могучей кучки», и «Товарищества передвижных выставок» Владимира Стасова. В бытность свою секретарём уральского промышленника Анатолия Демидова, князя Сан-Донато, оказавшись в Лувре, он пал ниц перед статуей. Вряд ли тонкий художественный критик сделал это ради эффектного жеста, таким образом он только и смог выразить признательность человеческой гениальности, восхищение рукотворным чудом.

Но если в трактовке поступков ещё допустима вариативность, то слова, особенно вышедшие из-под пера властителей дум, как красноречивы, так и вполне конкретны. Хотя при этом могут и в чём-то противоречить друг другу. В 1858 году Афанасий Фет выразил свои впечатления от встречи с Богиней, чьё имя тогда было на устах всех поклонников искусств, в стихотворении «Венера Милосская».

.....
*Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!*

Поэт не просто до наступления хмелящей ясности любителю статуей, подмечая совершенство женских форм, но и угадывает за этим что-то куда более значимое, поистине божественное. Хотя и не постигает или не умеет передать этого. А вот Глебу Успенскому это уже удаётся. Сам писатель побывал в столице Франции в 1872 году. Силу произведённого статуей впечатления передаёт письмо к супруге Александре, содержащее фразу: «Тут больше всего и святей всего Венера Милосская». Но только спустя двенадцать лет Успенский сумел облачить в текст те чувства. Их он приписывает герою рассказа «Выпрямила» разночинцу Тяпушкину.

Мировоззрение сельского учителя, оказавшегося волею судеб в Париже, перевернулось после посещения Лувра. Столько раз я перечитывал его откровения, что запомнил их слово в слово: «Я стоял перед ней, смотрел на нее и непрестанно спрашивал самого себя: „Что такое со мной случилось?“. Я спрашивал себя об этом с первого момента, как только увидел статую, потому что с этого же момента я почувствовал, что со мною случилась большая радость... До сих пор я был похож (я так ощутил вдруг) вот на эту скомканную в руке перчатку. Похожа ли она видом на руку человеческую? Нет, это просто какой-то кожаный комок. Но вот я дунул в нее, и она стала похожа на человеческую руку. Что-то, чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего „хрустнуть“ именно так, когда человек растет, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом».

Всё это намного глубже и интимнее того, что передал Фет. Поэтому-то сам Успенский-Тяпушкин и апеллирует к поэту, говоря, что «автор стихотворения не только не овладел всей огромностью впечатления, но даже к краешку его не прицепился». Впрочем, ко мне у него было бы ещё больше претензий. Сколько бы я не вглядывался в завораживающе изливающуюся обнажённую часть тела, уйти в своих мыслях от, казалось бы, очевидного творческого замысла – воплотить женскую красоту – к каким-либо высшим целям не смог.

В конце концов, это всего лишь слепок-реплика. Пусть и довольно точно передающая форму оригинала, но копия, утратившая его энергетику. В памяти всплыл слышанный на днях комментарий (уже не помнится, по какому поводу) одного киноакадемика, первого телемо-

стостроителя между прежде непримиримыми супердержавами. Как всегда, на безупречном русском языке, каком-то уж слишком правильном для носителя языка родного (у слушателя создаётся впечатление, что сначала он формулирует мысль, к примеру, на английском, а потом подбирает соответствующие русские умные слова), мудрый лис, увильнув от темы разговора на тропу аналогии, размышлял о феномене Моны Лизы.

– Знаете, сколько я видел её репродукций? Тысячи! И после этого решил: просто кто-то сказал, что это гениально, и все за ним повторяют. Но когда оказался в Париже и пошёл в Лувр, то, стоя перед ней, я заплакал. Это было настолько... другое. Не то, что на репродукциях.

Так что со своими выводами относительно чувств, вызываемых Венерой Милосской, следовало погодить, как минимум, до встречи с оригиналом. И всё же меня не переставало будоражить от близости с копией. Вот только переживания были иного плана, чем у Стасова, Фета и Успенского: не от изящества форм статуи и божьего промысла её создателя, а от того, что вот-вот мог получить подтверждение своим казавшимся фантастическими предположениям! Теперь уже не было сомнений в том, что влекло меня в Пушкинский музей отнюдь не к неведомым Брейгелям, а именно сюда. Пусть это не Венера Милосская собственной персоной, а её, так сказать, клон, но ведь все сколы и неровности на его поверхности полностью идентичны имеющимся у изваяния, выставленного в Лувре.

В конце концов я немного успокоился и определился с тем, как поступить. Планшетником сфотографировал практически каждый сантиметр статуи. Во время съёмок обломанного плеча приходилось вставать на цыпочки и тянуться вверх настолько это возможно, так как камера была не лучшего качества, а потому зум делал изображения нечёткими. От таких упражнений рубашка вылезла из-под ремня, и когда со съёмкой было покончено, вид у меня оказался несколько разнузданным: лицо покрылось потом, словно от тяжёлой физической работы, проступили тёмные пятна на рубашке навыпуск с жеваными краями. Самое время было привести себя в порядок, к тому же мои танцы с планшетом и без того привлекли ненужное внимание.

– Не подскажете, где туалет? – спросил я подошедшую смотрительницу, явно намеревавшуюся повнимательнее присмотреться к такому излишне деятельному посетителю, и попытался пошутить.

– Увлёкся, знаете ли, не заметил, как распоясался.

Юмор – не самая сильная сторона музейных сотрудников. Хотя, опять же, каких и где. Однажды в Одесском литературном музее довелось услышать, как смотритель в «Зале одесской литературной школы» отбрила по телефону родную мать: «Мама, не отвлекайте меня по пустякам! Мне некогда, у меня посетители». При этом гулкую тишину зала я заполнял исключительно в одиночку. Осознав всю глубину проявляемого ко мне внимания, я перестал приглядываться к пёстрому галстуку-селёдке, стягивавшему некогда шею Ильи Ильфа, спрятал руки в карманы брюк и перешёл в другой зал. Интересно, как бы такая ответила мне в данной ситуации или куда послала? Её же столичная коллега была безучастна и конкретна, как «О» кей Google»: «На первом этаже. У гардероба».

В туалете я первым делом проследовал в кабинку. Усевшись на крышку стульчака, достал мраморный сколыш и планшетник. Выбрал снимок левого плеча с наиболее удачного ракурса, приблизил его так, чтобы изображение соответствовало размеру «образца», а потом приложил его к экрану. Хотя одна сравниваемая часть была объёмной, а другая плоской, можно было определённо говорить о том, что рваные края сколов совпали!

Пальцы тут же стали непослушными, словно и сами окаменели. Камешек выскользнул, но я словил его, сжав колени. Уф! Хотя чего переживать, это же мрамор, а не хрусталь – не разобьётся. Вроде бы, очевидно. Но не покидало ощущение, что сделанное мною открытие могло поменять разом и структуру веществ и законы физики. Не бывает? Так и того, что явилось, казалось, тоже не может быть! Атмосфера в музейном туалете стала наполняться чем-то

густым и тревожным, словно воздух перед грозой. Гром не заставил себя ждать. Дверь кабинки дёрнули снаружи. И на, казалось бы, обычную для общественного туалета ситуацию организм отреагировал так же непосредственно, как и непредсказуемо. Сердце внезапно юзнуло вверх, словно подсечённый полосатик-окушок, и где-то там часто-часто забилося хвостом о прибрежную гальку, временами пружиня и отрываясь от неё склизким тельцем. Жабры забила одновременно обжигающая и удушающе тяжёлая, лишаящая сил и воли субстанция. Шаги тем временем поспешили дальше, через кабинку хлопнула дверца, щёлкнула задвижка, брякнул стульчак, затем практически сразу последовал долгий утробный, с булькающими переливами звук, усиленный акустикой унитаза. Физиологическая «увертюра», завершившаяся протяжным и измождённым выдохом облегчения, подействовала успокаивающе. «Матросику» удалось-таки допрыгать до воды, скользнуть в неё, уйти на безопасную глубину под сень разлапистой коряги и замереть там, потихоньку приходя в себя.

Надо было срочно убираться из музея, пока неведомый горнист не сыграл «большой сбор» всем фобиям и страхам. На Волхонке оторваться среди праздно публики от гипертрофированной тревоги, вовсе ускользнуть от неё, нырнув в метро на «Кропоткинской», и уже окончательно затеряться следовало в чреве Переяславского вокзала. А в поезде, ближе к Галичу, убаюканный и умиротворённый кормовой качкой на верхней полке плацкартного вагона, глядишь, и смогу найти всему объяснение. В конце концов, как говорил Остап Бендер, люди больше всего пугаются непонятного. По его словам, он сам когда-то был мистиком-одиночкой и дошёл до такого состояния, что его можно было испугать простым финским ножом. Не хотелось бы уподобляться.

Привычка иллюстрировать свою речь цитатами передалась мне от матери Екатерины Назаровны. От бати Петра Григорьевича, как большинство Чегодаев, перенял тягу к перемене мест и роду занятий, некий авантюризм и верность крепкому словцу. А вот своеобразная прибаутность перешла по материнской линии. Мама на девятом десятке даже после инсульта, удалившего многие файлы из её цепкой памяти, с лёгкостью выдавала многочисленные частушки. Поводом для этого могло стать любое слово в разговоре.

– Амурка чего-то разлаялся, – прислушиваясь к брехне дворового пса, могла сказать моя сестра Галина, у которой в соседнем райцентре Нижние Броши, куда сестра ушла замуж, теперь и жила матушка.

– А у меня сразу частушка вылезла, – практически тут же заявляла мать и делала многозначительную паузу, ожидая, когда её попросят спеть.

– Так спой, раз вылезла, – через какое-то время откликалась сестра.

– *Во дворе собака лает.*

Кто по улице идёт?

Петька в лаковых галошах

Тоньку пьяную ведёт.

Закончив частушку, мать обязательно прибавляла:

– Вот ведь башка садовая, чего путного так не помнит, а всякая ерунда так сама на язык и лезет.

Правда, говорились это без особой печали. Даже с некой бравадой – мол, вот, ещё помню! Впрочем, в «садовой башке» столько всего раньше хранилось, что даже на жалких остатках можно было долго продержаться. Помнится одна из её прежде любимых частушек:

– *Девяносто песен знаю,*

Да и дома три мешка,

Эти песни сочиняла

Разудалая башка.

И, скорее всего, это не было какой-то особой гиперболой, а больше походило на констатацию факта. А ещё, бывало, после предложения спеть, Катерина Назаровна лукаво улыбнётся и не торопится уступить:

– Не знаю... Она про нехорошее...

– Да ладно, давай уж, раз заикнулась, – следует уговор.

Чаще всего никакой похабщины частушка и не содержит.

– *У милёнки под подолом*

Птичка гнёздышко свила,

А другая прилетела,

Пару яиц принесла.

После «нехорошего» запева мама непременно смеётся, прикрывая беззубый рот краешком платочка, и приговаривает:

– Вот ведь дура старая... Прости, Господи.

У меня же эта особенность закрепилась на другом уровне: слова рождали чаще всего ассоциации с песнями или цитатами из популярных фильмов, реже из книг. Всё-таки формировала нас с мамой разная среда: её – глухой костромской деревушки военных и первых мирных лет, меня – крупного посёлка лесозаготовителей эпохи развитого социализма. Хотя в большей степени – «жизненные университеты», где среди педагогов встречались и виртуозы фомки и фени, и отличники боевой и политической подготовки, и ударники коммунистического труда, и настоящие мастера словесности. Природа этой, проявляемой по-разному особенности – уловить оброненное собеседником словцо, включить его в иную фонетическую конструкцию и глянуть, как оно зазвучит на новый лад – была у нас с мамой одна и шла, надо полагать, откуда-то из её детства. Была врождённой.

Об этом я мог только догадываться. Чтобы говорить наверняка, необходимо было знакомство накоротке хотя бы с кем-то из маминых родственников. Но наезды дядек и тёток, пока ещё были живы, оказывались как редки, так и непродолжительны. Раскрыться в таких наскоках человек не успевает, ведь после многолетних разлук первые дни свиданий сродни знакомству, во время которого человек волей-неволей старается предстать в лучшем свет. Какие уж тут откровения души и сердца? Я даже лиц дядь-тётё запоминать не успевал, знал их, в основном, по фотографиям. Поэтому, когда они умирали – так уж получилось, что ушли они в мир иной, когда я ещё был юн – для меня мало что менялось. На похороны мы с мамой опаздывали (не помню уж, как так выходило), а навещая свежую могилку, на памятнике я видел ту же фотографию, что и в семейном альбоме.

– Ну, вот и свиделись, Лёня (Клава, Соня, Петя), – говорила мать, прикасаясь ладонью к ещё не прибитой дождями земле.

Я мычал что-то нечленораздельное и тоже дотрагивался до могилки – быстро и едва касаясь, словно боясь обжечься, а потом долго и тщательно оттирал пальцы от глины, если той всё-таки удавалось сделать отметины. Так окончательно стиралась память о живых людях.

Что касается бабушки Дарьи Варламовны, то она, хотя и прожила последние свои годы с нами, но в памяти не отложилось сколь-либо ярких картин и даже слов, с ней связанных, хотя когда она умерла, мне уже было лет десять. Я помню её лишь молчаливой, сидящей у окна, неумолимо рассматривающей прохожих и машины. В деревне Мартьяново, откуда мы её забрали, она была последней жительницей. А может, всё ждала, что вернётся с войны её Назар? Мне кажется, если бы не это ожидание и долгие годы одиночества в костромской глуши, я бы знал иную бабушку. Да и деда, погибшего в январе 1944 года, за неделю до полного снятия блокады Ленинграда.

Мама же ничего толкового о нём рассказать не могла, сама была ещё девчушкой, когда отец ушёл на фронт. Все воспоминания о *тяте* неизменно сводились к тому, как он навещался в отпуск по ранению и мог остаться в тылу – предлагали должность председателя кол-

хоза, но он не сделал этого. А судьба другого шанса разминуться с пулей не дала. Из небольшой деревни Мартьяново, согласно записям «Книги памяти» Костромской области, на фронт ушло и не вернулось двенадцать Петровых. Назар Фёдорович был из зажиточных. Кроме крестьянского труда, Петровых кормило ремесло – славились на всю округу их сани, телеги и бочки. Когда стали сгонять в колхоз, дед первым свёл скотину на общий двор. Думается, таким образом ему удалось избежать раскулачивания и ссылки. Но отношение к колхозному укладу, однозначно, осталось у него негативное – потому и отказался стать председателем. А ведь семь ртов обрекал на голодное сиротство. Эх, что же ты напевал про себя, Назар Фёдорович, в то время? Вот бы послушать.

Почему у меня воспоминания о посещении Пушкинского музея пересекаются с воспоминаниями о деде? Во-первых, благодаря ему я, собственно, тогда и оказался в Москве – по просьбе Уральского творческого союза журналистов, оплатившего эту поездку, на обратном пути из Питера заехал в столицу передать документы в Союз журналистов России. Во-вторых, вся эта поездка оказалась наполнена не только неведомыми до того переживаниями, но и какими-то новыми смыслами. Начать следует с того, что пути, приведшие в окрестности Гатчины, с полным на то основанием можно назвать неисповедимыми. Найти могилу деда, погибшего где-то под Ленинградом в январе 1944 года, моя семья чаяла уже не один год. Попытки были тщетны. Всё потому, что сведения, которыми мы располагали, скорее запутывали поиски, чем способствовали им.

От Петрова Назара Фёдоровича вообще осталось лишь три вещественных напоминания. Первое – удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда», с надписью карандашом на обратной стороне: «Вологодская обл. (а на самом деле – Костромская). Вохомский РВК. Погиб 23.01.1944 г.». В семье мамы этот документ называли «похоронкой», отсюда можно сделать вывод, что получена бумага была уже после гибели кормильца. У напоминания №2 – единственной фотографии Назара Фёдоровича размером 3х4, скорее всего из красноармейской книжки, надо полагать, та же история (мама в силу малого возраста смутно помнит ещё лишь о деньгах, которые прислал командир отца). Третье – запись на 292-й странице тома №7 «Книги памяти» Костромской области: ПЕТРОВ Назар Федорович, 1901 г. р., д. Мартьяново, Хорошевский с/с, призван в 1941 г. Вохомским РВК, ряд., погиб 23.01.1944 г., захор. Моштолово, Ленинградская обл.». Тут-то и крылась загвоздка. В топонимике ленинградского региона такого названия вообще не оказалось! Скорее всего, на каком-то этапе заполнения документов была допущена описка, что по тем временам, как говорят знающие люди, было не редкость. В пользу этой версии можно отнести и ошибку в «похоронке», где неверно была указана область. Может, поэтому обращения к общедоступным данным также не дали результатов.

Прогуглил Моштолово. Поисковик выдал деревню Мистолово, Всевожского района, Ленинградской области. Казалось бы, всё должно было сложиться. Но и здесь выдалась осечка. Звонок в местную администрацию с просьбой прояснить, есть ли в деревне воинское захоронение, не обнадежил – предложили обратиться с официальным запросом. Судя по тону чиновницы, было понятно, что вариант скорее всего – очередная пустышка. Последуй совету, так бы и вышло.

Вместо этого, вспомнив про журналистское братство, я обратился к коллегам из всевожской «районки» с просьбой помочь в поисках. И не ошибся в коллегах. Через неделю пришёл ответ от главного редактора «Всевожских весей» Веры Турлановой: «Приезжайте. Нашли!». Версия с линией Моштолово-Мистолово, действительно, оказалась тупиковой. Но тут свою роль сыграло провидение. Неудача заставила редактора попросить помощи у местных краеведов, те и обнаружили сведения о том, что рядовой 90-й стрелковой дивизии Петров Назар Фёдорович, погибший на завершающем этапе Красносельско-Ропшинской фронтовой операции, в ходе которой была окончательно снята блокада колыбели Советского государства, захо-

ронен в деревне Рохоново Гатчинского района. На этом этапе поисков подключились гатчинские журналисты, съездившие в указанную деревню и обнаружившие на братской могиле надпись: «Петров Н. Ф. ряд.». Так и сложился пасьянс, который позвал в дорогу, что привела меня под Питер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.